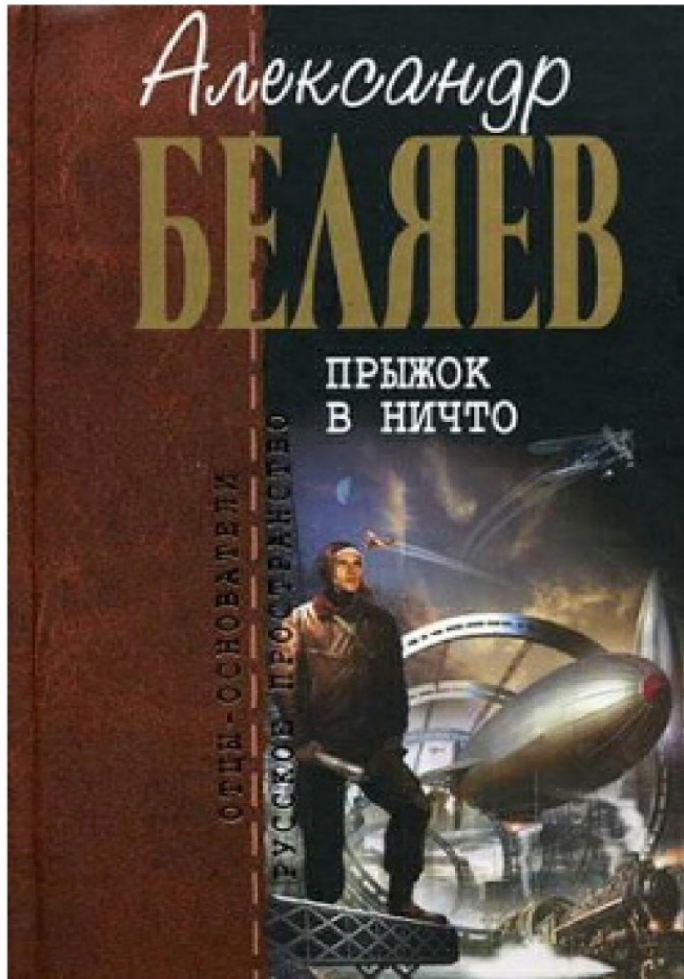

Александр
БЕЛЯЕВ

ПРЫЖОК
В НИЧТО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

Земля горит
Александр Романович Беляев
Александр Беляев
Земля горит

I.

В Деловом дворе, в приемной председателя ВСНХ СССР, среди посетителей появился пожилой человек с потертым годами и жизнью лицом и в потертом пальто. Усевшись в углу, он сидел неподвижно, ожидая, когда начнется прием.

Дверь кабинета открылась, и оттуда выглянула секретарша. Она глазами пересчитывала очередь людей с портфелями и бумагами в руках. Несколько человек сорвались с места и подошли к ней. Но человек в потертом пальто опередил всех.

– Скоро будет нарком?

– У него сегодня заседание в Совнарком. Часам к четырем должен быть. По срочным делам принимает его заместитель.

– Мне нужен сам нарком, – внушительно сказал человек и уселся на стул с видом: умру, но дождусь.

Наконец он вошел в кабинет.

– Я вас слушаю, – коротко сказал нарком.

И человек в потертом пальто заговорил. Его фамилия Михеев. Он изобретатель. Его специальность – борьба с пустыней, со страшной пустыней, надвигающейся на Советский Союз.

Он говорил страстно, путаясь в словах, сбиваясь с основной мысли. Огромные количества солнечной энергии, за лето производящиеся и скопляющиеся на песчаных и каменистых или только слабо подернутых растительностью грунтах, не имеют никакого другого выхода, кроме как на испепеление соседних, еще живых и жилых земель. Земля горит.

Всякая местность, где дуют сухие ветры и мало атмосферных осадков, превращается в пустыню.

Что видим мы в огромных пространствах Арало – Каспия? Мга, хмара, мхи – эти “сухие слезы” и перегар – слюна сухих пустынь, с их губительным влиянием на жизнь, на всю растительность, особенно культурную и луговую. Цветы, не расцветши, отцветают, не давая плода или даже погибая в почках... Хлебные колосья и всякие злаки

оказываются пустыми и дают слабый умолот... Листья на траве и на деревьях желтеют, опадая прежде времени.

В Поволжье, на Северном Кавказе, на Украине... в Саратове, Сталинграде... И до Киева, Казань, Рязань... города и сами земли застилаются пыльными бурями в сухие лета.

– У вас есть проект, как бороться с пустыней? – спросил нарком, терпеливо слушавший его речь. И от вопроса Михеев как – то сразу успокоился.

– Я – инженер. И если бы у меня не было разработанного плана, я не стал бы у вас отнимать время. Двенадцать лет я работал над этой идеей. Собрал огромный материал. У меня все вычислено, взвешено, выверено от самого общего до самой малейшей детали.

– В чем же заключается ваш проект?

– Каптаж Волги. Барраж у Камышина.

В каптаже устанавливается такой уровень нового образования реки, когда, с одной стороны, самотеком ее воды покрывают огромные пространства заволжских степей и пустынь, оживляя их, с потушением в них “пожара земли”. С другой стороны, в самой реке подымается уровень на высоту, не нарушающую основных интересов прибрежных городов и населения.

– Ваши материалы будут изучены. О результатах доложат мне, – сказал нарком, как бы заканчивая беседу. – Вам нужно повидаться с одним из членов коллегии НКРКИ СССР, ознакомить его с материалом, сообщить о трудностях, которые вы встретили на своем... Алло... Да, я...

Если бы сейчас появился изобретатель телефона Белл, Михеев убил бы его, такой ненавидел в эту минуту “невежливое изобретение”, мешающее деловым разговорам.

А из приемной уже выглядывал нетерпеливый инженер в очках и с портфелем, а секретарша уже принесла грудку бумаг для подписи, а нарком уже протягивал Михееву руку...

II.

Пустыня... Она прожгла ужасом сердце еще в детстве, когда Михееву было не больше двенадцати лет. Он жил с отцом, земским врачом, в заброшенном степном селе за Волгой. Мга и хмара и сухие туманы для мальчика были не пустыми словами. Он вырос под

багровым солнцем, словно задыхавшимся во мгле пылевой бури. От пыли не было спасения. Она покрывала серым налетом листья деревьев тощего сада, проникала в дом сквозь закрытые окна, пудрила столы, кровати, игрушки, залезала в нос, глаза, уши и легкие... И сон был тревожный, как во время сирокко. Там, за полями, притаилась пустыня, как зверь, готовый к прыжку. Ее зловещий песчаный шепот был слышен далеко.

И вдруг она громко постучалась у дверей и схватила за горло костлявой рукой голода. Это было в девяносто первом году прошлого столетия. Незабываемый год! Ребенка нельзя было уберечь от страшных картин голода, как от хмары и мги. И Михеев на всю жизнь запомнил этот кошмар.

Началось с того, что у знакомых мужиков лица становились серыми, глаза вваливались, нос и скулы обострились, щеки и живот втянулись. Их тела становились дряблыми, щуплыми, Миша Михеев не мог понять, отчего это. А потом многие иссохшие люди вдруг начали полнеть странной бело – желтой полнотой.

Миша заглядывал в окна изб. Почти в каждой светился желтый огонек свечи в головах покойника. Но скоро огоньки погасли, – свеч не хватало, – а покойников становилось все больше. Живые люди превращались в трупы...

Раздувшиеся трупы животных на полях... Смерд... Рои мух... Плач голодных беспризорных детей, потерявших родителей... И над всем этим – горячее, испепеляющее солнце и сухой туман, покрывающий саваном обреченный на смерть мир...

А за селом стояли выжженные солнцем поля. Сухие, бурые колосья бессильно клонили к земле пустой колос. Жгучий ветер сжигал их, песок заносил. Над когда – то тучными нивами вырастали могильные песчаные холмы. Из этих могил кое – где торчали сухие колосья как последнее напоминание о гибнущих полях.

Пустыня убивала все живое... Этого нельзя забыть!

Этот ужас не покидал его всю жизнь.

Михеев видел во сне земной шар с большой высоты. Вот огромная плешь Сахары, вот пустыни Туркестана, Китая... И все эти плещи медленно расползаются во все стороны, как проказа... И вот

весь земной шар превращается в пустыню. И последние люди задыхаются в песчаной буре без воды и воздуха...

“Я буду инженером, чтобы знаниями победить пустыню”, – решил молодой Михеев. Он сделался инженером – гидротехником, но пустыни не победил. Много лет разрабатывал он сложные системы оросительных каналов и бросал их.

– Это все равно, что пытаться потушить пожар пульверизатором! – говорил он в отчаянии... – Только обильные воды Волги могли бы потушить пожар пустыни... А что, если бы?..

III.

Михеев явился в РКИ, нагруженный огромными папками с рукописями, таблицами, графиками, картами, чертежами.

Но у него оказалось кое – что поинтереснее мертвых чертежей. Михеев положил на стол коробищу величиной в метр и в кирпич толщиной. Там лежало его дорогое детище – “материализованная идея”. Это был сделанный из мастики рельеф Волжского бассейна и Каспийского моря. Пашни выкрашены в желтый цвет спелой пшеницы, луга – в светло – зеленый, а леса – в темно – зеленый. С востока в заволжские поля вклинивались зловещие бурые языки наступающей пустыни. Русло Волги и дно Каспия были обнажены.

Через полчаса комната была превращена в своеобразную лабораторию, наполненную зрителями.

Михеев положил свою модель краями на два стола, под модель поставил пустое ведро, а полное – на стол и через резиновую трубку пустил воду в Самарскую луку. Вода весело побежала по руслу, разбилась в дельте сложным узором на рукава и начала наполнять дно Каспия. Когда море наполнилось до положенного предела, Михеев открыл внизу сток, чтобы вода держалась на одном уровне.

– Годовой дебет Волги, – начал Михеев, – в круглом общем счете триста пятьдесят – триста семьдесят кубических километров. Вся эта масса воды испаряется, и потому Каспийское море не повышается, скорее понижается в годовом уровне. Мы не можем испарить воду в нашем опыте и потому лишнее выпускаем вниз. Теперь вот что я предлагаю сделать с Волгой. – Михеев вынул из кармана изогнутую пластинку и вложил ее в паз на рельефе ниже Камышина.

И на глазах зрителей запруженные воды Волги начали подниматься выше “плотины”, а внизу, к Каспию, потекла только узенькая струйка.

– Высота этого барража – тридцать семь метров. И, смотрите, с этого горизонта Волга самотеком сливается в невообразимые пространства заволжских степей и пустынь в трех мощных потоках.

Поднявшаяся над плотиной вода минуту постояла в нерешительности, как бы в недоумении перед неожиданным препятствием, и вдруг полилась на восток по скату, по руслам, впадинам, котловинам, образовав сложную сеть марсианских каналов и озер.

– Эти потоки достигаются не какими – нибудь искусственными и грандиозными, стоившими бы колоссальных средств сооружениями, и уж, конечно, не рытьем каналов. Они текут по естественным углублениям, впадинам и логам, конечно, с соответствующим захватом и направлением потоков воды.

– А зачем оставлен этот ручеек, впадающий в Каспийское море? – спросил один из зрителей.

– Одна седьмая часть дебета Волги оставляется в прямом, непосредственном течении в Каспийское море на непрерывное с ним, а значит и с Баку, водное сообщение. Половина этого еще и на обзаведение прямых непосредственных сообщений. Значит, около семидесяти кубических километров дебета Волги последуют непосредственно в Каспий. А триста кубических километров, вместо теперешней их пропажи в морской пучине, пойдут на оживление земель от Волги на восток по Эмбе, и на потушение там “земного пожара”, и, с ликвидацией там пустыни, на обзаведение новых хозяйств, на мелиорацию освобождаемых земель.

– Значит, море...

– Каспийское море будет снижаться в своем уровне на две трети метра в год, и за тридцать семь лет состояние его уровня понизится на двадцать четыре метра. Каспий будет иметь вот какой вид.

Михеев открыл кран под доской рельефа больше, вода из Каспия потекла в ведро сильнее, и уровень моря начал быстро понижаться. В секунде проходили года, и скоро знакомых очертаний моря было не узнать. Каспий “усох” почти на треть. Дно северной части до Ман-

гышлака и Махачкалы обнажилось. На нем осталось только несколько перекрещивающихся каналов да “озер” в северо – восточной части.

– В общем донные пространства освободятся на сто пятьдесят тысяч квадратных километров, то же до семидесяти тысяч в устьях Куры и у персидских берегов и в Кара – Бугазе, а самое главное – по Апшерону и Челекену освободятся неизмеримо ценные пространства нефтяных земель, тоже в тысячах же квадратных километров. Наконец, все побережье Каспия освободится от губительной там малярии.

Первым камнем в этот мир нового строительства закладывается проект каптажа Волги.

Спецы, не последние спицы в колесе советского аппарата, волнуются.

Извольте дать отзыв о проекте каптажа Волги! ВСНХ требует. Наркомзем и Госплан интересуются, РКИ нажимает...

Станный проект и еще более странный автор, как будто и свой инженер, не молодой человек. А проект, – не знаешь, как и подойти к нему... Размах большевистский, идея грандиозная, а что выйдет – аллах ведает.

Старые инженеры шушукаются:

– Ведь если этот проект пройдет – многим капут. Как же быть – то?

– За свое место беспокоитесь?

– Что место? Если пройдет проект Михеева, то потребуется много инженеров... Место найдется. Но там будешь...

– На михеевскую мельницу воду лить? Тебе черная работа, ему почет? Хе – хе. Не волнуйтесь, однако, заранее, может быть, еще провалят этот шалый проект. Все будет зависеть от того, какой отзыв даст эксперт – профессор Чичагов. Да вот и он, как кстати!.. Давайте спросим. Здравствуйтесь, Иван Аркадьевич! Ну, как ваше мнение о каптаже?

Чичагов мнет мягкие губы и смотрит вверх через золотые очки. Свою седую голову он носит гордо и бережно, как хрупкую драгоценность. В ней его капитал.

– Гм... да... каптаж... Я еще подробно не ознакомился с материалом. Притом я могу дать отзыв только по своей

специальности. Технически, конечно, проект вполне выполним. Запрудить реку – не Бог весть какая премудрость. В этом даже нет ничего оригинального. Михеев предлагает только в большом масштабе сделать то, что делает рядовой мельник. Но в смете, мне кажется, автор жестоко ошибается. Тут дело пахнет не тремястами миллионов, а миллиардами, имея в виду проект в целом.

– Миллиардами? Значит, не под силу, а? Не пройдет номер? – Взгляд инженера налился надеждой и жадным любопытством.

Но Чичагов не обрадовал прямым ответом, а только неопределенно пожал плечами.

Да и что мог ответить старый профессор? По его мнению, большевики только и делали, что брались за непосильные задачи. С них хватит. Возьмутся за каптаж и... сделают, пожалуй!

– А вот еще я слышал, – передал инженер мнение одного крупного специалиста. – Тот говорит, что проект Михеева – совершеннейшая чепуха. Ведь рыба Каспия привыкла к водяному режиму с данным процентом солености. Притом рыбе негде будет метать икру.

– А представитель Наркомздрава, – вмешался другой инженер, – утверждает, что Михеев не только не уничтожит, как обещает, а увеличит малярию в ужасающих размерах. Подумайте только: пустить воды Волги самотеком! Они образуют множество заболоченных озер, заливчиков, водяных “оазов”, как говорит сам изобретатель. Черт знает что получится, и не только с малярией, – изменится к худшему, а не к лучшему, и климат всего края. Ведь Каспий будет испарять значительно меньше влаги, из которой в конце концов образуются облака.

– Ну, это не так страшно, – возразил Чичагов. – Общее количество влаги в крае не уменьшится. Ведь новые водоемы тоже будут испарять воду. Впрочем, это мое личное мнение, мнение профана в области метеорологии, – скромно добавил он.

Инженер хотел задать еще один вопрос, но Чичагов решил, что сказал и так слишком много. Отговорившись тем, что он спешит на заседание, маститый профессор понес свою драгоценную голову дальше.

Это заседание, посвященное обсуждению проекта Михеева, было довольно бурным.

Вначале спецы держали себя сдержанно. Никто не решался “крыть проект вовсю”, но многие осторожно высказывали свои “опасения”, которые, как капля яда, должны были отравлять идею смелого проекта. В конце заседания страсти разгорелись, и уже слышались выкрики: “Глупость! Чепуха! Безумие!”

Тяжелая артиллерия – Чичагов – приберегалась противниками проекта к концу.

Речь профессора по форме была очень “объективна”, а по существу он вылил ушат холодной воды на энтузиастов, “высказав свое скромное мнение” о многомиллиардных затратах.

Проект висел на волоске.

Но тут неожиданно на помощь Михееву двинулись работники мест – волжане, живущие в непосредственной близости с “жаром земли”.

И натиск был силен и дружен.

– Даешь Волгу!

Один из них повторил слова Михеева: “Ни капли живой воды, ни грамма гумуса, ни метра высоты Волги не должны пропадать в низинах соляной пучины Каспийского моря!”

– Даешь Волгу!

IV.

Большие звезды не мигая смотрят на землю, словно глаза неведомых ночных птиц. Густая темень, пугливая и упрямая, подступила к самым углям догоревшего костра. Набежит ветер, вспыхнет язычок пламени, осветит лица рыбаков, край сохнувшей сети, черное лоснящееся брюхо опрокинутой на берегу лодки и снова придвинется к углям. С берега тянет сыростью, дегтем, рыбой.

Усталые рыбаки доедали уху, черпая деревянными ложками из котелка.

– Лопайте напоследях. А потом каюк: заговеем на рыбу – то! – прервал молчание седой кряжистый старик Глеб Калганов, короче – Калган.

По сторонам его сидели три сына – справа старший, слева младшие, такие же крупные, бородатые детины, как и он сам, только черноволосые.

Глеб – староста рыбацкой артели. Каспий и низовья Волги – для него открытая книга, каждую строчку которой он знает наизусть. Знает воду, рыбы повадки, капризы погоды, моря и его обитателей. По известным ему одному приметам умеет даже предсказывать, когда пойдет пузанок, бешенка, вобла, куда направят они путь, большой ли улов будет. Во всем, что касается рыбы, его слово – закон. А так как рыбацкое село только и живет рыбой, то слово Глеба и во всем прочем – закон. Что скажет, так тому и быть. До войны он был на промыслах не последний хозяин, имел капитал, снасть, посуду. Революция разрушила его благосостояние, но не авторитет. Артелью он правил по старинке – вертел как хотел.

Его слова вызвали удивление рыбаков. Чудит Калган!

– На наш век рыбы хватит! – отозвался рябой Сыч.

– Ложку оближи да язык проглоти. То – то, что не хватит! – важно ответил Глеб. Помолчав немного, чтобы убедиться, что никто больше не прерывает, он продолжал: – Последние времена приходят. Отнял Бог разум у людей, и дела их безумными стали. Божий мир по-своему переделать хотят: море высушить. Волгу – матушку в степи заволжские повернуть. И останемся мы как рак на мели. Истинно на мели! И отцы, и деды наши жили у моря, рыбачили. Море да Волга были нам пашней, а рыба – хлебом. А тут – на тебе! Высохнет море, уйдет Волга, подохнет рыба, подохнем и мы. Куда пузанок, да вобла, да прочие морские твари икру метать пойдут? Некуда. Нету Волги. Крышка! И будут хаты наши стоять в голом степу. А дно морское пахать начнут. Где рыбка божия резвилася, там тракторы затарахтят, совхоз устроят. Сельсовет на дне морском. Красота!.. Пропали наши рыбацкие головы! Без Волги, моря нету нам жисти!

Глеб замолчал, склонив голову, как бык под удар обуха.

Рябой Сыч сплюнул громко, выругался:

– Да ты, может, выпил лишнего, Калган, не проспался? Очнись, перекрестись! Что бредни разводить на ночь? Мыслимое ли это дело?... – И осекся.

Глеб поднял голову и строго посмотрел на Сыча:

– Я никогда ума не пропивал и брехней не занимался... Вчера мне сам председатель сельсовета говорил. Приехали, говорит, какие – то из Астрахани, начальство, людей на работу нанимать. Они все и

рассказали, что Волгу закроют, море осушат. От Астрахани, говорит, море верст на триста отойдет. Значит, и от нас немного меньше. Ниже Камышина, у Сестренки, говорят приезжие, уже землю роют, камень, песок подвозят, бараки строят. Плотиной Волгу перехватят. Одним словом, упокой, господи, души усопших рабов твоих!

Рыбаки вдруг зашумели, словно грозовой ветер по лесу прошел.

– Как же быть теперича? – перекричал всех молодой испуганный тенор.

Глеб усмехнулся в седые усы – проняло!

– То – то, как быть, – важно заговорил он. – Времена – а! Что год, то хуже. И все оттого, что Бога забыли. Сказал Бог: “Все добро зело”. А они нате! Выходит, Богом неправильно сотворено. Поправлять взялись! А было – то разве плохо? В старину как жилось? – И Глеб уже оседлал своего конька. Он говорил о “золотом веке”, когда в Каспии и низовьях Волги вылавливали рыбы больше восьмидесяти миллионов килограммов в год, на двенадцать миллионов рублей, о белуге весом в полторы тысячи килограммов, о севрюге в пятьдесят килограммов, о стерляди в шестнадцать килограммов.

– А теперь что? Белужка – пятьдесят пять килограммов, осетр – десять – двадцать, севрюжка и вовсе шесть килограммов. Мельчает рыба, падают промысла. А теперь и вовсе извести их хотят.

После такой подготовки Глеб хотел повести речь дальше. Но тут неожиданно в разговор вступил худой рыбак Кузьма Сысоев, весь колючий, как каспийский бычок, колючая, давно не бритая борода, колючие глаза и слова колючие.

– Большевики виноваты, говоришь? Они рыбу извели? А ты нет? А кто в запретное время да в запретных местах рыбу ловил? Скажешь, не ты? Кто реку неводами загораживал, рыбу в места нереста вверх не пушал? Кто на “ямах” становища облавщиков устраивал да зимовавших там леща, да сазана, да сома вылавливал? Не ты? Ты и есть первый рыбный вредитель! Рыбу изводил, а сам раздувался. Это теперь – то тебе животы подтянуло, вот и заскулил: ха – арашо жилось! Кому хорошо, а кому плохо. Все рыбаки окрест у тебя в кабале были! Отъелся на нашем поту – крови, на тебя, сволоча, работали.

Глеб хоть бы что, как будто и не о нем речь. Трубочку закурил, в потухший костер плюнул и спокойно ответил:

– Ну что же, братцы, нехорош я вам стал, выжил из ума старик, ищите себе старшего помоложе. А я вижу, что делать мне тут больше нечего. Завтра чуть свет возьму котомку за плечи да с сынами своими и побреду по дорожке куды глаза глядят.

Рыбаки встревожились.

– Буде, Калган!

– Без тебя, как без глаз!

– Не бросай нас!

– Собака мелет – ветер носит!.. – слышались из темноты голоса рыбаков. Но просоленный, густой бас Глеба покрыл все эти голоса:

– Мое слово твердо! Как сказал, так и быть. А теперь спать!

Вздыхая и охая, рыбаки улеглись. Стало совсем тихо. Слышен был только плеск набегавшей волны.

– Никита! – тихо сказал Глеб, толкнув в бок своего сына. – Ш – шш... Проползи, посмотри, спит ли этот черт ершистый – Кузьма!

– Похрапывает, – доложил через минуту Никита.

– Разбуди осторожно остальных... Сыча, пожалуй, тоже не трожь.

И когда рыбаки проснулись, Глеб начал говорить им:

– Вот что, ребята. Дело наше – табак. Но только я так думаю, что еще можно спасти море и Волгу. Не дадим их в обиду! Ш – шш! Слушайте! Говорили в совете, что эта чертова плотина стоит миллионы, а денег в обрез отпущено. Вот я и думаю... – Глеб заговорил еще тише: – Ежели эту плотину прорвет, то и весь план их прорвет к чертовой бабушке. Больше денег у них не хватит.

Смекаете? Пойдем мы всей артелью в Камышин, наймемся в землекопы, а там... видно будет. Кто согласен, тот завтра и записывайся!

Опять тишина. Крупные звезды начали мигать часто – часто, словно у ночных птиц глаза слипались.

Маленький приволжский городок Камышин затоплен пришлым людом: сезонниками, рабочими, служащими, техниками, кооператорами...

Село Сестренка с правой стороны Волги, Солодушино с левой и остров Шишкин, лежащие на линии барража, неизвестны. Как гри-

бы после дождя выросли бараки, кооперативы. столовые, фабрики – кухни, клубы, больницы.

Камышинские огородники, проклиная барраж, каптаж и Михеева, перенесли свои баштаны далеко за город. Как – то будут расти на новом месте дыни, огурцы и знаменитые камышинские арбузы?..

– Разорили! Под корень подрезали! Погубили! Пропала рыба, пропадут и наши арбузы! – ворчали старики – баштанники.

Станция Камышин до отказа забита прибывающими грузами: лесом, машинами, рельсами. Змеями расплзлись по стройке узкоколейки. Задорно кричат кукушки, таская за собой хвосты вагонеток с песком, землей, камнем. Залязгали железными челюстями экскаваторы. Зачвакали, засопели драги, скрипят краны.

Круглые сутки идет работа. Ярко огни фонарей и прожекторов разгоняют мрак.

Не спится старикам – камышанам. Выйдут из дома и долго смотрят на огни, отраженные в водах широкой реки, и кажется им, что попали они в иной, страшный и непонятный мир, где ползают гигантские железные чудовища, ворочают шеями длинней телеграфного столба, чавкают пастями, в которые бык и с рогами пройдет. А люди – маленькие, суетливые – ухаживают за этими неведомыми чудовищами.

Михеев почти не спит и ест на ходу. Он счастлив. Мечта его жизни осуществилась. Пустыне объявлена война, он – главнокомандующий на фронте, брандмейстер на “пожаре земли”. Он бегаёт день и ночь с непокрытой головой. Его лысина красна от солнца, ветра и волнения. Острый нос еще более заострился, глаза пылают. Он весь раскален огнем вдохновения.

Бежит по берегу, размахивает руками. Следом за ним, едва поспевая, шагает долговязый молодой инженер.

– Жидкий воздух – вот мой секрет! – кричит Михеев, не оборачиваясь к инженеру. – Аппарат Линде, несколько видоизмененный мною. Давление – двести двадцать атмосфер... Мы проводим жидкий воздух по трубам и выпускаем прямо в воду. Он замораживает воду.

И перед кессонами мы жарким летом получим прочную ледовую стену. Под ее защитой нам легко будет работать. Это лучше, чем

временные перемычки, применявшиеся на Днепрострое... Что же вы отстаёте? Скорей, скорей!..

Работа кипит в три смены. Одна смена посылает другой вызовы на соревнование. Днём и ночью перекликаются кукушки. Грохочут машины, мечутся люди.

– Как на пожаре! – говорят камышане.

– Пожар и есть; земля горит, тушить надо! Лихо работает Глеб Калган со своей артелью. Сыновей молодых за пояс заткнул старик. А кончит артель работу, в ночь – полночь берут захваченные с собой сети – и в лодки. Река тянет, рыба тянет.

И тут среди своих изливает старик горечь, облегчает сердце, до краев переполненное злобой.

– Погодите! Подопрут плотину воды осенние, тут мы и ахнем своей артелью им на помочь. Одно плохо – ночью работают, огни горят. Ну, да изловчимся как – нибудь. Главное высмотреть, где тоньше.

– Не туда! Не туда, черти, дьяволы! Не туда, ребяташки! – доносится с острова Шишкин голос Михеева.

– Ишь, востроносый черт! – ворчит Глеб. – Угомону на него нету! Ну, погуляй, покричи маленько. Угомоним и тебя.

– Дядя Глеб, – говорит вдруг молодой рыбак. – А я вчера Кузьму встретил. Около цементного завода шлялся. Там, наверно, построился.

Глеб нахмурился.

– За этим ершом колючим смотреть в оба надо. Донесет. Все дело провалит, если чуть что заметит. Да, может, для того и на стройку пришел, может, подслушал тогда... ночью – то?..

– Дядя Глеб, а зачем трубы прокладывают?

– Среди лета воду газом заморозить хотят. Судаков мороженных захотелось. Ну, только несбыточное это дело: до того люди еще не дошли, чтоб лето на зиму переворачивать.

Весть о том, что “Волгу будут замораживать”, быстро облетела стройку. Камышинские старожилы были потрясены.

– Видно, не все брехня, что старухи болтают. Летом реку льдом сковать – разве это не такое же чудо, как море высушить и огнем запалить?

– Поморозят арбузы! Хоть бросай баштан да уходи куда глаза глядят...

Все – таки надеялись: не сотворить чудо человеку!

Но не сбылись эти надежды: заморозил таки востроносый Волгу. Правда, не всю, но всю ему и не надо было. А перед кессонами замерзла вода, стала ледяной стеной. Не то что камышане, а и сезонники глазам своим не верили, рукой лед щупали. Настоящий, без подделки. Холодный и крепкий!

День за днем отвоевывают люди у реки метр за метром. Опускают на дно деревянные ящики – кессоны, возводят бетонные кубы – бычки. Вода устремляется в пролеты, кипит и волнуется. Уровень полузапруженной Волги повышается, А сверху подходит осеннее половодье. Бетонные быки, звенья цепи, которая должна сковать Волгу, готовы почти все. Остается закончить последние, перекрыть железными щитами, и Волга, встретив препятствие, повернет свои обильные воды, двинется в заволжские степи тушить “пожар земли”.

Но надо переждать осеннее половодье, а оно в этом году небывалое: все лето и осень шли проливные дожди.

Вода прибывает с каждым днем, мутная, темная, угрюмая. Бушует, бьется о бетонные быки. Сухие листья, травы, кустарники, ветки, целые деревья – все, что захватила река на своем пути, – облепили выступы быков, засоряют берега.

Но тысячи строителей день и ночь куют цепи для реки.

Кузьма Сысоев работает на стройке вместе с женой. Он стал как будто еще колючей. Похудел, оброс бородой. День работает, а ночью не спит, ворочается, словно его самого колют сухие кости.

– Чего не спишь? – ворчит жена.

Вздыхает Кузьма в темноте.

– Глеб проклятый покою не дает со своей артелью... Вчерась ночью вышел я на барраж, а он ходит около трубы с воздухом, вынюхивает. А смена не его. Что ему там надо? Увидал меня – смылся.

– А тебе какое дело? – ворчит жена. – За собой наблюдай. Вот зима на носу, а ты еще шубы да валенок не получил. Другие давно получили.

– Завтра обязательно надо востроносому сказать, – продолжает Кузьма, думая о своем.

– И давно пора, – успокаивает жена. Вдруг гудок, прерывистый, набатный, рвет на части ночную тишь. Тревога...

Кузьма выбежал на улицу.

Что за погода проклятая! Ветер с ног валит, дождь хлещет, река гудит. Рабочие бегут.

Крик, шум, не понять, в чем дело.

– Почему тревога? – спрашивает Кузьма.

– Авария. Труба с жидким воздухом не действует, лед растопило, кессон заливает, – отвечает кто – то на бегу.

Кузьма прибавляет шаг. Река съела ледяную стену и напирает на кессон. Вот мелькнула как будто седая голова Глеба и скрылась.

“Он... Не иначе как его рук дело”, – думает Кузьма.

Человек в старом драповом пальто без шапки бежит по самому краю кессона. Востроносый. Кричит, размахивает руками. К трубе полез, возится.

– Уходите, – кричат ему. – Вода зальет.

Куда там! Михеев ничего не видит, не слышит. “Только бы пошел жидкий воздух”.

А вода все выше, вот – вот зальет кессон. Вода валит Михеева с ног, но он опять ползет, цепляется за трубу...

И вдруг треск, шум; белое облако, шипя и свистя, наполняет кессон. Прорвалась труба, и жидкий воздух пошел прямо на Михеева.

Михеев поднял руки и... так и окоченел, превратился в ледяную статую.

Буря, грохот, шум и вой...

Деревня Сухой Дол словно развороченный муравейник.

Посмотреть – и не поймешь, что случилось. У крестьян постарше на лицах недоумение, молодежь весела, а женщины воют, как по покойнику. Никто дома не сидит, все бегает из хаты в хату.

А у сельсовета уже толпится народ, собирают сход.

Два человека приехали на автомобиле, они и разворошили деревенский муравейник. Объявили: Волга в степи поворачивает, и по Сухому Долу потечет вода. Надо на гору перебираться. На перевоз и стройку будут выданы деньги. У кого хата старая, новый лес получают.

Шумит народ. Получить деньги, обзавестись новой хатой хорошо. Бросать насиженное место плохо.

Ипат, называющий себя “крепким середняком”, поглаживает длинную бороду, которая почему – то поседела с одного бока.

– Так – то оно так. А соглашаться дураломом тоже не приходится. Может, на горке воды нет. Может, там рыть колодцы – доводы не докопаешься.

– Да ведь у воды, пегая борода, жить будем. Хоть из окна воду хлебай.

– Ему новую хату на каменном фундаменте жаль бросать. Весь фундамент покрошится. Неохота трогаться.

– Кому охота, – отвечает Ипат. – Сегодня на гору, завтра под гору... Прямо ставь хаты на колеса.

– Верно. Не пойдем на гору.

Разбились на партии. И снова приезжали из города, приходится убеждать сход. Бились, отложили до вечера.

– Ребята, а Панас Чепуренко нипочем не пойдет на гору.

Упористый старик.

– Кто это Чепуренко? – спрашивают приезжие и узнают, что Панас – кряжистый дуб девяноста двух лет, но еще крепкий, выходец с Украины. Упрям как чурка, в Бога верует. Табак нюхает, сам растирает.

Маришкин и Курилко, которые на автомобиле приехали, решают после схода навестить Панаса.

Он с граблями в руках копается в огороде. На приветствие ответил низким поклоном и зовет в хату.

– Да мы с тобой тут на вольном воздухе поговорим.

Но старик непреклонен.

– Як що на розмову, то прошу до хаты. – И первый уходит.

Делать нечего, пошли за ним.

– Вот что, дедушка, – говорит Маришкин, – на гору надо перебираться. Если сам не сможешь, люди помогут.

– А навище мені на гору дертятся. Мені и тут гораздо.

– Нельзя, старина. Тут скоро вода все зальет.

Панас слушает внимательно, гладит длинные усы, не спеша вынимает тавлинку, нюхает табак и наконец отрицательно качает головой.

– Не може цього бути, – уверенно отвечает он. – Бог обіцяв, що зливи[1 - Потоп.] бильш не буде.

Приезжие переглядываются. Они не ожидали такого возражения. Маришкин, чтобы сразу не озлобить старика, решил действовать дипломатически.

– Да ведь то про всемирный потоп сказано, а тут Волга только, несколько деревень зальет, вот и вашу тоже. Для орошения полей, понимаешь? От засухи. Ведь заливают же села и деревни весенний разлив. Так это же не потоп.

– Повидь[2 - Разлив.] – инша справа. Розуллеться річка й знову в береги зайде. А ви кажете, шо все залле на вікі вічні. А ви дурницю кажете, шо залле. Не може цього бути. Бог казав, шо зливи не буде, тай не буде. Нікуди не піду.

Ну что с ним поделаешь? Маришкин вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

– Ты подумай: подъемные дадим на новую стройку. В новой хате жить будешь.

– Не треба мене ваших переїздних. Не піду, тай кінець.

– Я вижу, ты не веришь нам. Ну так вот что, дед. Поезжай с нами на автомобиле. Сам стройку посмотришь, убедишься своими глазами. Увидишь, что там с Волгой делается, и поверишь.

– А на біс мені ваш автомобиль? Не піду. Ось туточки жив, тут і в домовину ляжу.

Так и ушли городские ни с чем.

Но после их отъезда крепко задумался Панас. И на другой день неожиданно для всех запряг своего конька, взял ковригу хлеба и уехал со двора неизвестно куда.

Приехал он к Волге, пришел на стройку. Народу видимо – невидимо. Через Волгу мост, машины, грохот, суета. Между быками рабочие прилаживают железные щиты. Опустят щиты – и готова запруда. Запрудят Волгу, потечет в степи – больше воде деваться некуда.

Панас пошел на фабрику – кухню, откуда видна вся стройка. Просидел у окна молча весь день и выпил несметное количество чаю. А когда вечерние огни залили стройку и шум работ не убавился, старик проговорил глухо в седые усы:

– Так вони, сучі діти, паки потоплять нас. – И трудно было понять, чего больше в его словах – порицания или хвалы.

Приехал Панас домой и три дня из хаты не выходил. Уж думали, не занемог ли с дороги.

А потом вышел и начал говорить на сходе такое, что суходольцы даже рты пооткрывали. Не бывало еще у “Каптажа Волги” такого агитатора.

И дружно потянулись на горку суходольцы, а за ними и соседние деревни.

– Бей в мою голову! – Кондрат Семеныч стукнул огромным кулаком по столу так, что подпрыгнула чернильница. Председатель правления “Каптажа Волги”, товарищ Марков, вздрогнул и поправил очки..

– Ну, однако ж, вы того... не слишком, – сказал он, щуря подслеповатые глаза.

– Что того? Это вы того, – не унимался Кондрат Семеныч, и он вдруг поднялся во весь рост, словно готовясь к бою. Его рыжие волосы растрепались, глаза метали искры. Огромное лицо было багровым, словно он сошел с банного полка. – Не дам тронуть совхоз. А вы бы побывали в “Красных зорях” да сами посмотрели, что у меня там наворочено. Одна силосная башня чего стоит! – Кондрат Семеныч загнул толстый палец. – Из цемента. Красота! Ее не перенесешь. Так, значит, и бросить? Будет стоять среди озера, как маяк. А эмтеэс, – загнул второй палец. – Такой машинно – тракторной станции во всей округе не сыщешь. Каменное, капитальное сооружение. Элеватор, ремонтная мастерская, электростанция, конюшни, хлева, сыроварни, маслобойни... Все перечислять – пальцев не хватит. Все это под воду.

Пред “Каптажа” снова поправил очки и мягко сказал:

– Но ведь вы знаете, что Волга потечет самотеком. Нивелировка же показывает, что “Красные зори” лежат на пути разлива и будут залиты без малого на метр.

– Значит, не надо пускать Волгу самотеком. Возводите плотины, стройте обводные каналы.

– Если рыть каналы да возводить плотины, то весь план работ изменится, – возразил Марков. – Это будет стоить огромных денег.

Секретарь ячейки Туляк, небольшого роста, коренастый, в старенькой кожаной тужурке, усмехнулся, поднялся и, глядя прямо в глаза Кондрату Семенычу, заговорил ровным металлическим голосом:

– Никто не сомневается, товарищ, в том, что вы крепко любите “Красные зори”. Вы – прекрасный хозяйственник. Но и у прекрасных хозяйственников бывает свой недостаток. Даже порок: делячество. Нельзя смотреть только со своей колокольни. Мы не можем ломать план работы. Вопрос обсуждался специалистами и здесь и в центре и изменен быть не может.

Хотите вы этого или не хотите, а “Красные зори” будут перенесены.

– Не хочу.

– Тогда вас придется убрать с дороги.

Кондрат Семеныч сразу даже не понял. Потом его толстые пальцы дрогнули, а лицо побледнело.

– Меня... убрать... Меня, который создал этот образцовый совхоз. Меня...

– Да, вас. Потому что вы не умеете подчиняться директивам. На фронте стройки должна быть такая же железная дисциплина, как и на войне, а вы сами бывали на фронте и должны знать, что такое дисциплина. Повторяю: мы очень ценим ваши хозяйственные и организаторские способности. Поэтому я и даю вам добрый совет: одумайтесь и не упрямитесь. Мы умеем ценить людей. Но тот, кто станет нам на пути, будет снят, какие бы заслуги за ним ни были.

Кондрат Семеныч грузно опустил на стул.

Сел и Туляк.

Наступило напряженное молчание. Все внимательно наблюдали за Кондратом Семенычем. Глубокие складки на его лбу и переносье говорили о тяжелой внутренней борьбе.

– Ладно, – наконец буркнул он угрюмо, сорвался с места, крикнул: – Пока, – и убежал.

Все вздохнули с облегчением.

– С ним было труднее справиться, чем со старым Панасом, – улыбаясь, сказал Марков Маришкину. – А все – таки понял его Туляк.

– Еще бы. Легче, как говорится, душе с телом расстаться, чем Кондрату Семенычу с “Зорями”.

Еще юношей, не боясь пуль, ломал Валькирный хребты колчаковцам. Побывал и под стенами Варшавы. Везде удивлял железной волей и характером. Покончил с гражданской, осел в заволжских степях и занялся хозяйственной деятельностью. “Красные зори” – один из первых больших совхозов, возникших в Заволжье. Немало пришлось подраться Валькирному и за “Красные зори”, за племенной скот, за машины, за каждый трактор. Подобрались ребята подходящие и сделали большое дело. И теперь тем приказывают разрыть все до основания своими руками.

– Пош – шел! – гневно кричит Валькирный и бьет по бокам сытых совхозных лошадок.

Холодно... Жгучий восточный ветер обжигает лицо, поднимает с земли мелкий, сухой снег с пылью. Бесснежная зима. Как бы не повредила озимым... Местами ветер сдул снег с дороги, и под железными полозьями саней трещит и шипит песок. Кондрат Семеныч нахлобучивает покрепче финку и стегает лошадей...

– Пош – шел!..

Приехал на заре, разбудил конюха, сам распряг лошадей, поставил в стойла...

– Чего – то как будто невесел, Кондрат Семеныч? – спросил конюх, зевая и почесываясь.

– Черт борова на осине, повесил, оттого и невесел, – сердито ответил Валькирный и быстро вышел из конюшни.

При свете занимавшейся зари Валькирный побрел по поселку. Здесь каждый кирпич, каждое бревнышко рассказывали ему свою историю.

Постоял перед силосом. Хороша башня. Выше пожарной каланчи. Сто лет простоит... Глянул на электростанцию, на скотные дворы... защемило сердце.

Через четыре дня Валькирный неожиданно явился в ремонтную мастерскую.

– Сколько у вас тракторов не отремонтировано?

Мастер Шароков посмотрел на Валькирного и ответил весело:

– Шестерка, Кондрат Семеныч. К тому времени, как земля оттаяет, все будут в исправности.

– Значит, шестьдесят шесть. Ладно.

С этого дня Валькирный пришел в себя.

Стал разговорчивым, деятельным по – прежнему. Как будто гора с плеч у него свалилась или разрешил он трудную задачу. А когда сошел снег и веселые ручьи зажурчали по склонам, собрал Кондрат Семеныч правление и обратился к нему с такой речью:

– Вот что, ребята. Получил я бумагу из Камышина. Первого мая запрудят Волгу, и потечет она в наши степи. Один из потоков пойдет прямо на “Красные зори”, но только краешком заденет. Чтобы не переносить “Зори” на новое место, довольно нам сделать небольшую плотину в двести пятьдесят метров длины и более метра вышины, и вода обойдет нас и потечет на юг.

– А вдруг затопит?

– Не затопит. Я все сам вымерял. Вода у нас будет стоять только на шестьдесят сантиметров над уровнем “Зорь” – а мы сделаем плотину в метр, ну, даже в полтора метра.

– А сделать – то как? – спросил Грачев.

– И очень просто. Тракторы есть, сделаем в наших мастерских лемехи побольше, пустим наши “танки” – и они мигом отворотят нужный пласт земли. Мерекаете?

Кое – кто еще не мерекал, и Валькирный, как всегда, терпеливо и обстоятельно разъяснял.

Закипела работа. Грачев был “маленько изобретатель” и с жаром взялся за проектирование “траншейной машины”. Сделал не очень аккуратный, но толковый чертеж. Валькирный одобрил, кузнецы принялись за изготовление лемехов, трактористы приводили в порядок машины.

– Так, так, ребята. Жарьте так, чтобы небу жарко стало, чтоб искры летели, – подбадривал Кондрат. Он опять чувствовал себя как на фронте. Был одушевлен, подвижен, весел, ел за троих и работал за десятерых.

Скоро тракторы, превращенные в траншейные машины, выехали на поле и, по указанию Валькирного, начали отворачивать пласт за пластом.

Солнце пригревало все сильнее. Весна была дружная.

Плотина протянулась уже больше чем на половину, когда случилось одно происшествие.

Валькирный командовал своими “танками” на полях, как вдруг к нему подбежал растерянный Грачев. В руках он держал бумагу.

– Ты что? – спросил Валькирный, насторожившись.

– Кондрат Семеныч, что ж это такое?.. Как же это так?.. – начал Грачев. – Вот бумага пришла из “Каптажа”... тут пишут...

Валькирный недослушал. Выхватил бумагу из рук Грачева и, хлопнув его по плечу так, что тот осел на один бок, сказал строго:

– Идем за мною... – и они отошли от тракторной колонны, чтобы не слышно было их разговора.

– Ну, в чем дело? Говори.

– Да вот, “Каптаж” спрашивает, как у нас идет работа по переносу “Красных зорь” на новое место. И закончим ли мы работу к первому мая. Как же это так, Кондрат Семеныч?

Валькирный досадливо крякнул.

– А вот так. Бей в мою голову. Не допущу. Плотину устроить скорее и дешевле, чем целый поселок переносить. Понимаешь? Когда они увидят, как все это просто устроилось, сами благодарить будут. – А выгонят меня – черт с ними. Только бы “Зори” отстоять.

– Ну... А если кто –нибудь из них, от “Каптажа”, сюда приедет да все это откроет?

– Не приедет. Теперь у них там своих делов много. Все уж объездили. А приедут, увидят, что мы еще не начинали переносить “Зори”, отругаются да и оставят по – моему. Я так полагаю... Разве что вышвырнут меня из “Зорь”. Ну что ж. Ты предом будешь... Что нос на квинту повесил?

– Я ничего...

Грачев поплелся за Валькирным и теперь новыми глазами посмотрел на возводимую плотину. Недоумение и страх отражались на его лице.

А Валькирный и виду не подает. Командует как ни в чем не бывало. Крепкий человек.

Дождь прошел. Под лучами весеннего солнца заблестели мокрые рельсы, крыши станционных зданий, новенький паровоз. Пыхтит он,

сил набирается, – сейчас пойдет развозить по свету разных людей с разной их судьбою.

С крыши арестантского вагона каплют капли, блестящие, как ртуть. Зарешеченное окно открыто, а в окне, как из рамы, – голова старика. Хмуро смотрят темные глаза из – под клочковатых бровей. Жадно втягивают широко раскрытые ноздри влажный весенний воздух. Душно, в вагоне, а Глеб Калганов привык к вольному воздуху моря и Волги. Смотрит Калган на станционную суету и словно не видит. Ушел мыслью в себя.

И вдруг его взгляд ожил, налился злобой. Калган увидел Кузьму Сысоева, хотел спрятаться, отойти от окна, – поздно. Колючий глаз Кузьмы уже впился в его темные глаза, держит, не отпускает...

Случайна или не случайна эта встреча?.. Пожалуй, что и не случайна. Кузьма был главным свидетелем обвинения на суде.

Пришел! Своими глазами хочет видеть, что не вырвалась из сетей щука зубастая... Продирается сквозь толпу, не спуская глаз с Калгана. К окну прилип, глаза, словно пиявки, впились в лицо Калгана, держат... Молчит Калган.

– Сидишь? – спрашивает Кузьма. – У, змея!..

Загудел паровоз, тронулись, вагоны.

Глеб тяжело опустился на скамью и посмотрел на дюжих сыновей своих, сидящих напротив. А рядом с ним угрюмо насупились рыбаки из его артели.

– Поехали! – глухо сказал Калган.

– К чертовой бабушке в гости, – проворчал рыбак, сосед Калгана.
– Все по твоей милости!

– Сам в омут головой и нас туда же! – подхватил другой. – “Не дадим Волги – матушки!”. Вот и не дали. Поверили старому псу.

Молчит Калган. “Вот, – думал, – Михеев всему причина. Востроносого со свету сжить, плотину прорвать – и спасена Волга. Думают так, а вышло иначе. Плотина прорвалась, а Волгу все – таки завтра запирают будут. В чем причина?.. Вот и Кузьма – малорослый, щуплый, когтем придавишь. А снял голову с плеч Глеба. Почему? Потому что он с теми, что строят”. Тяжело вздыхает Глеб.

Отгремели оркестры, отзвучали речи ораторов. Торжество закончено. Взяты в плен широкие волжские воды.

А несметные толпы народа еще не расходятся. Смотрят, что дальше будет с Волгой. Ждут необычайного. Но Волга словно испытывает человеческое терпение. Ее уровень повышается почти незаметно для глаз.

Идут посмотреть на реку ниже плотины. Там интереснее. Вода быстро спадает.

– Мелеет! На глазах усыхает!.. – слышится взволнованный, веселый голос. Толпа любопытных спешит туда.

Да, мелеет Волга. Из – под воды показываются песчаные островки – вершины “банок”, перекастов. Вот и дно. Песок, пласты ила, затонувшие якоря, обросшие плесенью темные остатки когда – то потонувших рыбацких судов и барок... Торчит нос полузанесенной песком рыбацкой лодки со сломанным парусом. Речное кладбище. Волга открывает свои подводные тайны.

Несколько неудачливых рыб, не успевших вовремя уйти с водой вниз, бьются на песчаном дне, сверкая серебром чешуи на весеннем солнце.

– Смотрите! Сом! – кричит тот же веселый голос. – Усища – то! Усища!

– А ведь верно. Попался, голубчик! Ну и сом! Пудов на шесть. Тащи на фабрику – кухню!

Огромный усатый сом остался в яме, наполненной водой. Бьется. Тычет в песок тупым рылом, взметает хвостом грязные брызги.

И уж толпа обсуждает план, как достать сома.

– А ну – ка, ребята, за мной, по морю, яко по суху! – с отчаянной веселостью – кричит молодой парень и пытается добраться до сома. Но ноги вязнут во влажном иле. Махнув безнадежно рукой, парень вылезает на берег.

– Тут и сам пропадешь вместе с сомом!

– Доски положить! – предлагает кто – то.

До самой ночи толпились любопытные по берегам реки.

Барраж делал свое дело. К ночи Волга начала медленно заливать левый берег. Ее обильные воды пошли в наступление на пустыню, гасить пожар земли.

Едет Матвей по степи на буланой лошадке, песню поет. Буланный словно заслушался, плетется шажком и ушами прядет.

– А ну, веселей подбирай ноги, Коська – а! – покрикивает Матвей и продолжает песню.

К Волге Матвей едет за товаром для колхозного кооператива. Время весеннее дорого, вот и выехал ночью, чтоб к утру вернуться.

Коська опять ушами прядет и хвостом крутит. Или песня не нравится? Можно другую. Но не успокаивается конь. Голову вперед вытянул, воздух нюхает, фыркает. Даже дрожит как будто. Что за причина? Зверя почуял? Но какой тут зверь в степи? Одни суслики.

Стоп! Стал Коська как вкопанный, назад прет, фыркает. Оказия! Привстал Матвей на телеге и вдруг видит... и глазам своим не верит.

Далеко – далеко в степи при свете месяца вода серебрится широкой полосой. Волга? Да ведь еще и полпути не проехал! Может, померещилось?

– Но, пошел! – Не идет конь. Задом пятится.

А серебристая полоса на горизонте переливается синим светом, растет, ширится. Река не река, озеро не озеро. И вдруг осенила мысль: Волга двинулась.

Говорили об этом Матвею, предупреждали, но не очень – то он беспокоился: “Пока Волга до нас дойдет, двадцать раз успею вернуться!”. А вот не успел, захватила.

Дернул вожжами Матвей, повернул телегу назад. Коська будто только и ждал этого. Откуда и прыть взялась! Скачет – подгонять не надо.

А вода за ними идет, тихо так, словно играючи, заливают да заливают степные просторы.

И вдруг зашумела вода – сначала по задним колесам, потом по передним, залила ноги лошади и покатила вперед, застилая степь. Глянул Матвей на землю, – в воде отражается месяц.

– Вывози, Коська! – кричит Матвей.

А Коська сразу ходу сбавил: в грязи вязнет.

Коська еле ноги перебирает. Пошлепал еще маленько по воде и ртал. Увязла телега в жирной степной грязи. Не вылезешь... Сойти, что ли, в студеную воду да помочь коню?

Ну и холодна вода! А делать нечего. Бултыхнулся Матвей, начал телегу тянуть, коня понукает...

А воды идут все дальше.

Вот они нашли русло высохшей речки и, сдавленные берегами, потекли быстрее. Они вычерчивают новую карту края с новыми озерами, заливами, реками.

Колхозники Сухого Дола с полуночи дежурят возле новых хат на высоком холме. По радио уже разнеслась весть: идет вода! Там, где была безводная степь, потечет река.

Ребята, взгромоздившиеся на крыши, увидели первые.

– Вода! Иде – от!..

При лучах – восходящего солнца расплавленным золотом текла вода, заливая старое речное ложе, оставленное, быть может, тысячу лет назад.

– Трофим! Тащи сеть! Рыба в гости идет!

– Сухой – то наш Дол теперича мокрым выходит!

– Дед Панас! Надо бы тебе в старой хате остаться! Был бы ты теперь дед водяной и рыбой командовал бы!

Панас щурит от света старые глаза, улыбается. И вдруг новый выкрик с крыши:

– Пароход идет!

Это уж ни с чем не сообразно! Все головы повернулись на запад. Там среди водяной глади шевелилась какая – то черная точка, медленно приближавшаяся.

– Какой пароход! Это лодка!

– Черт на дьяволе, ей – богу!

Наконец черная точка приблизилась; человек верхом на коне едет.

Усталый, весь мокрый, подъехал Матвей, бросивший телегу в степи.

Новая река, еще безыменная, течет на восток, увлажняя воздух и землю. Она пришла сюда, в выжженную солнцем степь, чтобы тушить пожар земли. Шла ощупью, осторожно, как слепая, нащупывая все неровности почвы, заливая ямы, иногда отводя в сторону, и вдруг – стоп! Наткнулась слепая на стену. Постояла маленько и повернула на юг, изменив намеченный ей старым руслом путь.

– Станция “Красные зори”! – крикнул Грачев.

На плотину высыпал весь поселок. Валькирный улыбается. Все вышло так, как он хотел. “Красные зори” спасены. Была опасность, не

зальет ли река поселок, обойдя плотину сверху, но и эта опасность миновала: к югу скат, и река направила туда свои воды.

Пусть теперь из Камышина приезжают да посмотрят! Я им сберег не один десяток тысяч рублей. И весь “барраж” сами соорудили, ни копейки у них не попросили!

– Молодец, Кондрат Семеныч! Голова!

– А теперь за работу, ребята! Нечего зевать! – И он зашагал к спасенным “Красным зорям”.

Однако день этот кончился совсем не так радостно, как начался.

Валькирный отдавал распоряжения на скотном дворе, когда к нему прибежал запыхавшийся Грачев. На нем лица не было.

– Кондрат Семеныч, беда!

– Что, плотину прорвало? – быстро спросил Валькирный и сам немного побледнел.

– Нет, не то! Наделали мы делов, Кондрат...

– Да говори же, черт, толком!

– Сейчас звонили по телефону из Суханова. Говорят, залило деревни Игошки и Черняево, которые не надо было заливать. Черняево маленько залило, а Игошки в ложине, так ту совсем по крыши. Мы, значит, речку своей плотиной повернули не туда, куда надо. Просят помощи...

Валькирный уже не слушал. Он рванулся и побежал к конторе, крикнув на ходу:

– Звони тревогу!

Но Грачев отстал от него, и Валькирный, первый добежав до площади перед конторой, где висел колокол, созывающий на работу и обед, начал бить в набат. Отовсюду сбегался народ. Валькирный отдавал приказания:

– Запрягайте лошадей, живо. Берите багры, топоры, веревки, не жалеете лошадей, гоните всюю. Летите в Игошки. Там наводнение!..

А сам побежал к конюшням, выбрал лучшего коня, наскоро надел уздечку и помчался на неоседланном гнедке по степи, берегом новой реки.

Деревня Игошки была в двадцати километрах от “Красных зорь”.

Добрый конь летел вихрем, а Валькирному казалось, что он еле плетется. Кондрат Семеныч бил по шее лошади концом уздечки и

каблуками в бока.

“Ведь вот оказия! Я думал, что река пойдет левее... А ну как там еще люди потонули...” – думал Валькирный и в то же время невольно осматривал местность. Совсем незнакомая! Река, заводи, озера...

Вот и крыши Игошек виднеются над водой.

На крышах люди, петухи, кошки... Крик, стон, плач...

Крестьяне, успевшие выбраться, пока вода была не высока, сидят на берегу с унылым видом. Вокруг на земле одеяла, подушки, самовары, тулупы, – что успели вынести. Собаки, подняв морды, воют, глядя на затопленную деревню.

Валькирный подъезжает и круто осаживает лошадь.

– Отчего не спасаете, сидите сложа руки? – набрасывается на крестьян.

– А как спасешь? – огрызается рыжий крестьянин. – Лодок нет, с голыми руками в воду не полезешь.

– Амбар разобрать надо было да плот сделать, – говорит Валькирный,

– Языком – то легко! – слышатся враждебные голоса. – Сам сделай! Топоры потопили, веревок нет, чем плот свяжешь?

– Руками можно было амбар разобрать. На бревне не утонешь. Так понемногу и перетащили бы народ на берег.

Валькирный, как был в тяжелых сапогах и неизменной кожаной куртке, плывет к ближайшей избе. Он снимает с крыши мальчика, садит себе на шею и плывет обратно к берегу, не обращая внимания на толпу.

Несколько человек успел уже перетащить на берег Валькирный, когда приехали краснозорьцы.

Работа закипела. Разобрали по бревнам старый амбар, смастерили плот и на нем перевезли всех с крыш на берег.

– В хатах никого не осталось? Утонувших нет? – спросил Валькирный.

– Как будто все целы... – Начали считать, перекликаться.

Валькирный уже собрался вернуться в “Зори”, чтобы распорядиться, как разместить людей, оставшихся без крова, когда с дороги неожиданно послышался гудок автомобиля.

Приехал из Камышина секретарь ячейки. Туляк, которому уже сообщили по телефону обо всем.

Он подошел к Валькирному, положил ему руку на локоть, – до плеча не достал, – и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Ну, что, Кондрат Семеныч, теперь вы понимаете, почему частное надо подчинять общему? Посвоевольничали и наделали делов! Придется теперь ответ держать!

Валькирный молчал, опустив голову.

Письмо первое

“Дорогой Ленц!

Не знаю, с чего начать. У меня такое состояние, словно я просмотрел без перерыва сорок кинофильмов. Попробуй, разберись во всем этом. Из вороха разнообразнейших впечатлений выбираю общее: колхоз “Новый путь”, по-моему, самое интересное место на земном шаре. Я словно переселился на другую планету, где время движется с невероятной быстротой.

Начать с того, что от Камышина, где я осматривал великую волжскую плотину, в колхоз я летел прямым сообщением на большем почтово – пассажирском аэроплане. Постоянная линия. В “деревню” на аэроплане. Недурно?

Был ветреный день, и я словно катился по американским горам над широкою степью. Когда – то она была безводной, засушливой, капризной на урожаи. Теперь вся она залита водой: реками, озерами, лагунами... Местами я еще видел деревянные “хаты” деревень, но чаще встречались на пути (или, вернее, под путем, так как я смотрел сверху) каменные четырехэтажные дома, целые городки таких домов.

– А вон виднеется и “Новый путь”, – сказал мне сосед, указывая на горизонт.

Я увидал дымящиеся трубы заводов. Много фабрично – заводских труб. Не ошибся ли мой попутчик? Я вопросительно посмотрел на него. Он улыбнулся и, видя мое недоумение, поспешил объяснить:

– Это колхозные фабрики и заводы по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: льна, пеньки, выработке консервированных фруктов и овощей, мясохладобойни, сыроварни, мельницы, элеваторы, рыбоконсервные, сахарные, маслобойные заводы.

Через несколько минут я увидел весь сельскохозяйственно – фабрично – заводской колхозный город. Он стоял у реки – новой реки, созданной каптажем, которая снабжала его водой. Выше по течению, отделенный широкой полосой леса от дыма фабричных труб, расположился “жилой” город, весь из белых двухэтажных домов, утопавших в садах и парках. Несколько домов выделялось своею величиной, – вероятно, дома правительственных и общественных учреждений. На реке виднелись купальни, сновали лодки.

Когда мы пролетали над лесом, отделявшим город от фабрик и заводов, я увидел ровную, как по линейке, дорогу, прорезывающую лес. Она была асфальтирована. По ней взад и вперед сновали трамваи и автомобили.

Мы пролетели над городом, и вновь перед нами потянулись поля. Шли весенние полевые работы. С высоты аэроплана тракторы казались маленькими жуками, кем – то выдрессированными. Ровненько двигались они по полям стройными рядами, оставляя позади себя черную, взрыхленную почву. За ними ползли другие машины, вероятно бороны, следом за теми – сеялки.

Местами среди полей виднелись стройки. Строились новые двух – трехэтажные дома.

– Новые деревни, – улыбаясь, сказал мой сосед. – Старые деревни строились без плана. Теперь вся площадь колхоза, – а он у нас не маленький, – разбита на участки; и все население, занятое сельским хозяйством, будет равномерно размещено по всей площади колхоза так, чтобы каждый населенный пункт обрабатывал прилегающую к нему территорию. Сократятся расстояния до конечного пункта, а значит, и время на переезд. Экономия в топливе машин, быстрота...

– Вы в колхозе работаете? – поинтересовался я.

– В колхозе. Помощник бухгалтера. А вы не корреспондент? – спросил он меня в свою очередь.

– Нет, – ответил я. – Я тоже еду работать в колхозе. Я – электротехник.

– Иностранец?

– Да, немец.

– Вот мы скоро и дома, – сказал помбух. Я увидел на горизонте высокую ажурную башню радиостанции.

– Приемно – передающая. Наша, колхозная. Вскоре показались и дома. Много хороших каменных домов, площадь, окруженная высокими зданиями, сад, памятник: человек с поднятой правой рукой – Ленин. Зеркалом блеснула излучина реки. Сколько здесь рек!..

Аэроплан начал снижаться, и скоро мы спустились на хороший аэродром. Я вышел. Меня удивило обилие аэропланов, стоящих на аэродроме.

– Уж не имеет ли колхоз и собственные аэропланы? – спросил я моего спутника.

– Общественные. Осоавиахимовские. Для посевов и борьбы с вредителями.

С легким чемоданом, – багаж мой шел отдельно, – я пешком отправился в деревню, колхоз, город, агрогород, – уж не знаю, как назвать.

Город новенький, с иголочки. Кое – где еще оканчивают штукатурку и побелку зданий.

Я без труда нашел дом и комнату, предназначенную мне для жилья. Ты хочешь знать, какова эта “колхозная” комната для одинокого? Двенадцать – пятнадцать метров площадь. Продолговатая. Большое венское окно без шторы. Под окном – трубы водяного отопления. Голубоватые стены. У окна справа – небольшой письменный стол со стулом и настольной электрической лампой. Другая лампа под потолком. Рядом со столом на стене маленькая полочка для книг. У левой стены – диван, служащий и кроватью. Постельные принадлежности – в выдвижном ящике в самом диване. Ближе к двери, в той же левой стенке, – стенной шкаф для платья, немного выступающий. У правой стены – умывальник, отделенный с боков, на высоте пояса, толстыми стеклянными стенками, чтобы не разбрызгивать воду. Дальше, у стола, – телефон. Над входной дверью – рупор громкоговорителя.

Дом довольно большой. В нем имеется хорошая общественная столовая, клуб, при нем небольшая библиотека. Если в ней нет нужной тебе книги, можешь заказать ее по телефону в центральной

городской библиотеке. В конце коридора – ваннные комнаты, где в определенные часы дня можешь и побриться.

Я позавтракал и отправился к своему “начальству”. Но об этом посещении разреши написать в другой раз.

Будь здоров. Твой Карл Э.”.

Письмо второе

” – Вы знаете агрономию? – спросил меня бригадир, когда я явился к нему. Вопрос несколько удивил меня.

– Я электротехник.

– Я тоже электротехник, – ответил он. – Но у нас и в электротехнике агрономический уклон. Так сказать, агроэлектрика, как бывает агрохимия. Не думали ли вы, что вас пригласят возиться с электрическими лампочками?

С этим у нас и школьные ребята справляются. Вся электропроводка в новых домах лежит на них. У нас требования к электротехнике свои. От электричества мы требуем кое – чего большего, чем освещение домов и полей. Вы приехали в интересный момент, когда мы, пользуясь дешевой электрической энергией, которую дал нам каптаж, переходим к электрификация сельского хозяйства. Мы получаем ток от большой электростанции острова Шишки. Видали?

Я кивнул головой.

– Да, грандиозное сооружение. Но вы еще не установили проводов высоковольтного напряжения?

Бригадир усмехнулся и ответил:

– Не спешите отрицать существования того, чего вы не видите.

Этот ответ удивил меня, но я скоро понял. Ведь советские ученые еще несколько лет тому назад изобрели изоляторы, позволяющие прокладывать под землю кабели для высоковольтной передачи на большие расстояния.

– Подземные кабели? – спросил я.

Бригадир утвердительно кивнул головой.

– Это дешевле, – ответил он, – и экономичнее в сельском хозяйстве. Хотя у нас земли и много, но мы дорожим каждой пядью. Надземная проводка отняла бы немалую площадь полей для установки башен и затруднила бы работу тракторов.

– Какое же применение будет иметь электричество в вашем сельском хозяйстве?

– Самое разнообразное. Идемте, я покажу вам нашу работу. Много сделано, еще больше придется сделать. – Бригадир критически посмотрел на меня. – Вы уже человек немолодой, а учиться придется вам многому.

Мы пришли на окраину колхозного городка. Там, где начиналась полевая дорога, стояло большое, длинное одноэтажное здание со многими широкими дверьми. Сквозь открытые двери я увидел тракторы нового для меня типа.

– Электротракторы, – объяснил бригадир. – Последняя модель. Работают на аккумуляторах. Волжские воды, которые тысячи лет напрасну растрчивали свою энергию, теперь отдают ее нам. Наши тракторы, как рабочие лошади, насыщаются этой энергией и идут на поля.

– А что вы будете делать со старыми тракторами, работающими на горючем?

– И им найдется еще немало работы. Передадим их в те колхозы, которые находятся слишком далеко от источника электроэнергии. Электричество сэкономит нам немало драгоценного топлива. Ведь жечь нефть, из которой можно получить ценнейшие химические продукты, в сущности говоря, – варварство.

Мы прошли в соседнее здание. Там стояли другие, машины: электрические бороны, косилки...

– У нас все будет делать электричество, – с гордостью сказал он. – Этой же весной мы возьмем наши поля в электрический оборот. Нас и так опередили. Как –нибудь в выходной день поезжайте в соседний колхоз Реаловский, – это ближе к Волге. Полюбуйтесь, что там делает электричество. Идемте теперь на скотные дворы, они у нас уже с осени электрифицированы.

Дорогой он продолжал говорить:

– Мы не только обрабатываем землю электричеством, но и греем ее. Под землей прокладываются электрические грелки. Слишком поздняя весна и ранняя осень не будут нам больше страшны. Но и это еще не все. У нас есть поле, где мы ионизируем растущие злаки, и результат получается превосходный. А вот и стойла.

Чистые, теплые, проветриваемые помещения, освещенные электричеством. Возле каждой коровы – электрическая дойка.

– Рука человека не прикасается ни к корове, ни к молоку.

Электричество доит, перерабатывает молоко, чистит коров и стойла.

Затем мы осматривали инкубаторы. Длиннейшая комната, напоминающая заводской цех.

Да так оно, в сущности говоря, и есть. Это настоящая фабрика. Здесь “полуфабрикат” – яйцо – превращается в “конечный продукт производства” – живого цыпленка. Тянутся длинные черные ящики. Тишина. Безлюдье. За людей работает электричество.

– Присматривать за температурой больше не приходится. Она регулируется автоматически. Электрические грелки работают идеально. Все рассчитано. Когда приходит срок, сюда являются наши птицеводы только для того, чтобы взять “готовых” цыплят и заложить в инкубаторы новые порции яиц.

Следующая комната встретила меня разноголосым писком. Это “детская”, брудергауз. Здесь воспитывают вылупившихся птенцов. Они разделены по возрастам и помещаются в ящиках с невысокими стенками. Над ящиками электрические лампы и провода, какие – то металлические шары с иглами.

– Ионизация и воздействие ультрафиолетовыми лучами. Растут как на дрожжах. Заболеваемость сведена почти к нулю.

– Электрические цыплята, – улыбаясь, говорю я.

– То ли еще увидите, – отвечает бригадир. – Производство наше не останавливается круглый год, так как куры несутся и зимой не меньше, чем летом.

– Удивительно! – сказал я, с восхищением глядя на тысячи пушистых желтеньких цыплят, весело и хлопотливо копошащихся в ящиках.

– Пожалуй, электричество призвано сыграть самую важную роль в сельском хозяйстве? – сказал я.

Бригадир посмотрел на меня с некоторым сожалением, – так мне показалось, – этакая, мол, малая сознательность у человека!

– Так может рассуждать только узкий специалист старого времени, – ответил он. – Мы – диалектики, и от нас не ускользает общая связь явлений. Электротехника, химия, физика, агрономия,

ботаника, биология, бактериология, метеорология – все имеет свою цену так же, как для растений важны и воздух, и солнечный свет, и вода, и минеральные удобрения. Все одинаково важно. Отнимите одно – и растение погибнет, несмотря на то что всем остальным оно будет обеспечено достаточно. Вот вы познакомьтесь с товарищем Бойко, химиком нашей опытной сельскохозяйственной станции. Поговорите с ним. Он столько расскажет вам об агрохимии, что, я уверен, химия покажется вам самым важным в сельском хозяйстве. Но ни он, ни я так не думаем.

Мы возвращались к гаражу, где я скоро должен был приступить к работе и учебе.

– Вы сегодня вечером свободны? – спросил меня бригадир.

– Совершенно.

– Так вот что. В Реаловку вы еще успеете съездить. А сегодня приходите к восьми часам в клуб. Я покажу вам киноленту, на которой засняты все моменты электрифицированной обработки земли в одном из лучших наших колхозов. Посмотрите.

В тот же вечер я видел, как огромные электрические плуги врезались в землю и отворачивали пласт за пластом. Я видел, как за ними, словно пехота после артиллерийской подготовки, шли “добивать врага” другие машины, которые разбивали комья земли. Третьи машины рассыпали удобрения, четвертые сеяли, ровно, бережно, аккуратно, пятые косили, жали, связывали и привозили с поля снопы пшеницы и связки сена. Нет, не сена, а свежей травы, которая отправлялась в гигантский силос, где электрическим током убивались бактерии.

Над полями реяли аэропланы и часть сева производилась с аэропланов. Другие аэропланы распыляли отраву для вредителей.

Я видел электрические молотилки, дающие чистое, полное зерно. Наконец, я видел, как электричество наполняло зерном огромные элеваторы.

“Где, – думал я, – надрывающиеся лошади, истомленные быки, облитые потом косцы, женщины, шатающиеся от усталости, истощенные, кормящие тут же на ниве дряблой грудью детей?... Вместо них – везде машины, а возле машин и на машинах видны

ловкие, здоровые, уверенно работающие колхозники в синих рабочих комбинезонах, забрызганных машинным маслом”.

Признаюсь, я не видал картины более увлекательной. Это апофеоз энергетики, техники, электрификации, организованного труда, торжествующего над стихийными силами природы...

Будь здоров. Пиши. Твой Карл Эрнст”.

Письмо третье

“Дорогой Ленц!

Бригадир был прав: когда я побывал у агрохимика Бойко, то я готов был прозакладывать голову, что самое важное в сельском хозяйстве – это химия.

Встретил меня Бойко в химической лаборатории опытной станции.

– Приехали к нам поработать? – спросил он, протягивая мне руку. Он был в сером халате, прожженном кислотами.

У лабораторных столов стояли в халатах юноши и девушки, они возились с горелками, колбами, стаканами, перегоняли, кипятили, охлаждали...

В отдельной комнате – святилище, куда не заходят химические газы, – под стеклянными ящиками стоят химические весы.

– Обратите внимание: чтобы сотрясение почвы не отражалось на них, весы стоят не на столах, а на полках, прикрепленных к стенам. Вот наше последнее советское достижение, – с гордостью сказал Бойко, поднимая стеклянный ящик с новеньких весов. – Оторвите клочок бумажки и бросьте на весы.

Я сделал это. Бойко взвесил клочок, снял с весов, протянул мне и сказал:

– Теперь черкните на клочке карандашом вашу фамилию.

Я исполнил и это. Бойко вновь положил клочок на весы. И что же: весы отметили прибавку в весе от коротенькой карандашной надписи.

– Вот мы и узнали вес вашей фамилии, – улыбаясь, сказал Бойко.

– Здесь у нас “болтуны”, – продолжал он шутить, вводя меня в новую комнату. Маленькими деревянными лопаточками молодые люди взбалтывали в стаканах жидкости темного и светлого цветов. – Анализы почвы.

– И долго приходится так взбалтывать?

– Часами, днями, неделями, а иногда и месяцами. У нас есть несколько механических болтушек, но их недостаточно.

– Но для чего это?

– Для того чтобы узнать, какова почва. Мы растворяем горсть почвы в стакане, взбалтываем, пропускаем через мельчайшее сито и отсеиваем самые крупные частицы, взвешиваем, подсчитываем. Затем болтаем и осаждаем до тех пор, пока через двадцать четыре часа после отстоя жидкость не окажется совершенно прозрачной. Чем больше мелких частиц в почве, тем лучше почва. Если в пробе, в маленьком сосуде величиною с наперсток, окажется менее биллиона семисот миллионов частиц – почва никуда не годна. Почему? Потому что слишком крупные частицы почвы не обеспечивают питания корням. Ведь в одном кубическом метре почвы поверхность частиц, с которой приходят в соприкосновение корни растений, представляет площадь примерно в гектар... Идем дальше. Здесь у нас дистиллируют воду, здесь моют химическую посуду. А вот эта комната... Неприятная комната. В ней мы производили работы, при которых выделяются самые ядовитые газы.

Несмотря на то что лаборатория пустовала несколько дней при открытых окнах, тяжелые кислотные запахи еще не улетучились. Они раздражали нос и щипали глаза.

– Да, тяжелая ваша работа, – сказал я.

Бойко сверкнул глазами, словно я нанес оскорбление близкому ему человеку.

– Увлекательная работа. Изумительная работа, – с жаром сказал он и потащил меня в маленький кабинетик при лаборатории. На большом письменном столе лежало несколько книг на русском и немецком языках по химии, главным образом аналитической.

– Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что такое агрохимия.

Дорогой Ленц! Ты просил меня подробно писать тебе обо всем. Не сетуй на меня, если тебе придется прослушать лекцию.

– Химизированное сельское хозяйство – это неисчерпаемые золотые россыпи, – начал Бойко. – Не верите? Приведу вам пример из прошлого. В то время, когда Соединенные Штаты Америки еще “процветали” и капитализм не подорвал вконец фермерского

хозяйства, это хозяйство за два года давало стране богатство, превышающее всесветную добычу золота на земле за весь период со времени открытия Америки Колумбом. За два года ценность продуктов сельского хозяйства превысила в шесть раз общий капитал всех американских банков. Но такие успехи сельского хозяйства в Америке стали возможными только тогда, когда там на помощь фермеру пришла химия. Капитализм скоро свел на нет все эти успехи. Но это уже вина не химии, а капитализма.

Теперь посудите сами, что же может дать, дает и даст в будущем химия для нашего социалистического сельского хозяйства. Питание для всего населения, огромные экспортные излишки, миллиарды рублей на строительство фабрик и заводов. В настоящее время вся наша агрономия теснейшим образом связана с химией. Вспомните дореволюционную Россию. Она была классической страной перемежающихся с урожайными годами недородами, а порой страшных голодовок населения. Два – три года средний урожай, а на следующий год – ужаснейший недород. На эту кривую урожаев в начале восьмидесятых годов прошлого столетия обратил внимание еще Карл Маркс и дал такое объяснение: главная причина неурожаев – отсутствие искусственного удобрения.

А теперь что мы видим? Поля, удобрения, жизнь и питание растений и самого человека – все это одна гигантская химическая лаборатория. Химия решает вопрос об искусственном удобрении, о наилучшем корме для скота. Химия изучает почву. Ведь почва – это не мертвая земля, а своего рода живой организм, в котором непрерывно происходят всевозможнейшие процессы. Почва “дышит”, “питается”, наливается плодородными соками или истощается и умирает, чтобы возродиться, воскреснуть вновь, если к ней на помощь придет химия. Химия объясняет и предупреждает порчу сельскохозяйственных продуктов. Скисание молока, гниение овощей – все это химические или химико – бактериологические процессы. Химия выяснила роль бактерий в обогащении или истощении почвы азотом. Химия объясняет, почему портятся сельскохозяйственные машины, орудия, – ржавеют в “кислородном горении металла”. Наконец, химия оказывает огромную помощь хозяйству в борьбе с вредителями. Но об этом вам лучше расскажет

товарищ Брызгалов, наш “главком” по борьбе с вредителями. Непременно познакомьтесь с ним!

Химия открывает земледельцу новый мир. Разве старый хозяин обращал внимание на воздух? Знал ли он, что именно углекислота воздуха, при помощи солнца и хлорофилла растений, превращается ими в питательный крахмал и сахар? И не из воздуха ли химия извлекает теперь азот, необходимый для питания растений? Не химия ли дает ответ, чего не хватает почве, и определяет “дозировку” почвенного питания фосфором, калием, кальцием, азотом? Ведь почву можно не только недокормить, но и перекормить, и тогда будут потеряны и удобрения и урожай,

А вода! Растения состоят из семидесяти-девяноста процентов воды. Старый крестьянин знал, что вода нужна растению, что растение пьет воду. Но знал ли он, сколько именно нужно воды растению? Знал ли он, что картофелю, например, или клеверу нужна тысяча двести тонн воды на гектар, кукурузе – всего девятьсот, а подсолнечник любит воду, как старая московская купчиха любила чай: ему давай не меньше восемнадцати тысяч тонн! Знал ли старый крестьянин, что растения не только пьют, но и испаряют воду в воздух, и испаряют втрое больше, чем пьют. Некоторые растения являются настоящими насосами: средний тополь выбрасывает в воздух в сутки не меньше бочки воды. И чем суше воздух, тем больше испарение. Плодородным, но засушливым степям Заволжья не хватало воды. Мы страдали не только от недостатка воды в почве, но и от сухости воздуха, которая заставляла растения усиленно извлекать из почвы последнюю влагу, чтобы напрасно выбрасывать ее на воздух. Но тут на помощь почве и растениям пришла техника. Каптаж. Теперь наша почва напоена водой, а воздух настолько увлажнен реками, озерами, водоемами, созданными человеком, что испаряемость воды растениями понизилась до нормального уровня. Наш край ожил. Без техники – гидротехники – здесь была бы беспомощна и химия. Но в целом химия является могущественнейшим двигателем сельского хозяйства.

Мы производим в год около двух миллиардов центнеров зерна. И из них, по крайней мере, полмиллиарда – дар химии. Но она еще не сказала своего последнего слова. Мы рассчитываем в самом

ближайшем будущем увеличить урожай, по крайней мере, на треть. Вы понимаете, что это значит? Мы сможем прокормить население еще одного СССР и иметь сверх этого значительные излишки для экспорта.

Можно ли после этого сказать, что труд химика тяжел? Нет, это самый радостный, самый живой, самый творческий, увлекательный труд! Я вам покажу настоящие чудеса химии: как она буквально из камня и воздуха делает хлеб, как оживляет вконец истощенные почвы, как заказывает почве урожай с точностью до нескольких десятков килограммов на гектар, словом, как у нас делают урожай, а не ждут его от случая или от Бога...

Когда мы уходили. Бойко сказал на прощанье:

– Так заглядывайте непременно. Вам надо быть в курсе всего”.

Письмо четвертое

“Главкома” по борьбе с вредителями я застал в ангаре. Он был в рабочем костюме, как и другие рабочие, и я сразу не мог определить, кто из них “рядовой” и кто “главком”.

– Могу я видеть товарища Брызгалова? – спросил я.

Плотный, коренастый человек, с густой шапкой черных волос, сдвинул на сторону кепку и сказал:

– Я Брызгалов.

Мы познакомились. Брызгалов, не прекращая работы, – он загружал аэроплан ядом, – сказал мне:

– Интересуетесь вредителями? Так. Могу показать. – Брызгалов говорил отрывисто, короткими фразами. Выпалит одну фразу и крепко сожмет губы. – Летать со мной хотите?

– С удовольствием, – ответил я.

Брызгалов молча кивнул головой и принялся вместе с механиком выверять части мотора.

– Завтра. Ровно в четыре утра. Будьте здесь. Никишка, заправляй самолет горючим.

На другой день в половине четвертого я был уже на аэродроме.

Еще совсем темно. Только восток как будто вылинял. У старта яркий дуговой фонарь. Крылатая машина уже выкачена из ангара. Брызгалов и механик контролируют работу мотора.

Брызгалов видит меня, молча кивает головой. Мотор сердито чихает, словно злится, что его разбудили так рано, и оборвал. Тишина. Брызгалов что – то говорит мне, но я не разбираю: немного оглушен. Вымпел на мачте аэродрома трепещет от ветра. Брызгалов неодобрительно дергает головой.

– Может, отложим? – спрашивает механик.

Но Брызгалов, вместо ответа, кивает головой в мою сторону и, показывая на фюзеляж, говорит:

– Лезьте! Не туда! Это для летчика. Заднее место.

Я взбираюсь, усаживаюсь. Быстрым, привычным движением, словно кавалерист на коня, вскакивает на свое место Брызгалов, Рядом со мной усаживается веселый паренек Никишка. Три человека и груз. Но аэроплан большой, мог бы поднять, пожалуй, и четырех.

Ангары подо мной кренятся набок, круто поворачивают, как карусели, и исчезают.

Внизу – огни города, впереди – темные поля.

Мы летим на восток. Он все больше бледнеет. Я вижу неясные очертания локтей, спины и головы Брызгалова.

Ветер крепчает. Полет аэроплана становится неровным.

Розовая щель раскалывает восток. Румяными огнями зари наливаются озера, реки, пруды.

– Куда мы летим? – кричу я Никишке в самое ухо.

– К леса – ам! – так же отвечает мне Никишка.

“К лесам!” Как это странно звучит в голом, степном Заволжье, где люди веками топили печи соломой и навозом.

Впрочем, и теперь они не отапливаются дровами. Каптаж дал возможность насадить леса, и они насаждаются для улучшения климата и защиты от песков. Молодые леса. За ними ухаживают, как за ребенком. Они стоят, словно пограничные отряды, отражая натиски пустыни. Я вижу их стройные полки, вытянувшиеся в длинную линию фронта с севера на юг. Зеленые молодые леса. А в них – союзники пустыни: жучки, бабочки, мухи... Но подождите. Брызгалов не дремлет у своего руля!..

Взошло солнце. Оно светит прямо в глаза и, вероятно, очень мешает Брызгалову. Я вижу, как он вертит головой.

Вот и лес. Локти Брызгалова приподнимаются, весь он наклоняется вперед. Аэроплан делает вираж, входит в полосу леса и сразу снижается. Но Брызгалов предвидел это и набрал высоты.

Никишка дергает рычажок, открывает отверстие опылителя и смотрит вниз. От аэроплана протянулся пылевой хвост. Солнечные лучи играют на пылинках.

– Что?.. – кричу я, указывая на хвост. Никишка догадывается.

– Мышьяковистоки – ислый ка – алий! – орет он мне в ухо и гордо прибавляет химическую формулу, что – то вроде “Два – Ка – три – Ас – О – три...”.

Мы долетаем до поперечной просеки и вдруг круто поворачиваем на запад. Аэроплан убрал свой пылевой хвост. Мы израсходовали двести килограммов яда и летим за новой порцией.

Снижаемся на аэродроме. Тут лицо Брызгалова проясняется: видимо, доволен работой.

– Вот у нас и есть свободное время побеседовать о вредителях, – говорит. – Присаживайтесь ко мне поближе!.. Недавно попалась мне в одном библиотечном архиве старинная детская хрестоматия, – начал Брызгалов, – Прочитал я там одно стихотворение. Про мотылька. Мальчик хочет поймать на поле мотылька. А мотылек просит: “Не губи, человек, ведь короток мой век” или что – то в этом роде. Идиоты! Какой вредной ерундой засоряли детские головы! Жалость возбуждали к поэтическому мотыльку. А одни луговые мотыльки в год могут проесть стоимость большого сахарного завода! А стоит завод большие десятки миллионов. Еще недавно сельскохозяйственные вредители пожирали хлебов больше, чем надо для прокормления всего населения СССР. Хомяки, суслики, саранча, жуки, бабочки, гусеницы, мухи, сорняки, крысы, мыши, бактерии.

Тысячи тысяч! То, чего не успевали уничтожить полевые вредители, доканчивали амбарные. Теперь мы боремся с ними химией. И берегаем государству миллиарды. Но наша работа должна быть напряженной, неослабной, планомерной, коллективной. Истребите миллиарды вредителей, оставьте в живых пару, прекратите борьбу, – и через год – два их снова будут миллиарды. Сейчас они принялись за наш молодой лес. Хотят прорвать и открыть

фронт для нашего главного врага – пустыни. Я летал над лесами, над полями, над болотами...

– И над болотами?

– Комары. Малярия... Знаете Рионскую долину на Кавказе?

Плодороднейшая в мире. Чудесный климат. Пропадала. Пустовала. Малярия. Страшная смертность окружающего населения, рабочих. Теперь там – цветущие нивы и рисовые поля. Здоровые растения и здоровый, сытый народ. Химия!.. Мы все принимали участие в этой войне. Опыливаем, окуриваем, обрызгиваем поля с ранней весны до поздней осени. Это у нас обычная работа. Бывает и ударная. Когда какой – нибудь вредитель размножается чрезвычайно. Тогда – мобилизация. Все на ногах. Кордоны. Заградительные отряды. Люди в противогазах... Война! При единоличном хозяйстве борьба была невозможна. Межи. Овражки. Сорняки – приют для вредителей. Невежество. Раздробленность действий... Теперь общий план, и мы...

Через минуту я услышал шум заводимого мотора и отрывистый приказ Брызгалова:

– Контакт!

Война продолжалась..."

Письмо пятое

"Бригадир, Бойко, Брызгалов – все это своего рода агроинтеллигенция. Но каков средний колхозник? – спрашиваешь ты.

Познакомился я и с этими "среднеарифметическими колхозниками". Что же я могу написать о них?

Все они хорошо знакомы с техникой, агрономией, химией. Прекрасная политехническая школа. Хорошая библиотека. Театр и главное – телевидение и звуковое кино дают им то, чего не могут дать тонны старых книг. Они слушают лекции лучших профессоров Союза, передаваемые по радио, они видят лучших артистов на экране. Они "присутствуют" зрением и слухом всюду, как бы принимая непосредственное участие в мировых событиях.

Когда – то деревенским клубом была завалинка у хаты. Старики жаловались здесь друг другу, что господь за грехи не дает дождика и наказывает неурожаем, женщины судачили у колодцев, молодежь хулиганила, те и другие заливали "горькой" горькую жизнь. Их кругозор не шел дальше сельской колокольни.

Теперь “завалинка” – ярко освещенный электричеством клуб. Темы разговоров – о новом научном изобретении, о последнем полете в Арктику, о необычайном овоще, выращенном на опытной станции.

Не думай, однако, что жизнь здесь похожа на тихое болото с блаженно прозябающими лягушками. Здесь тоже есть борьба, и здесь нередко разгораются страсти. Спорят о методах электрификации, и о планировании новых городов, и о новых сельскохозяйственных мероприятиях.

Новый быт строится не без борьбы. Сколько споров было хотя бы о домах – коммунах! В какой мере обобществлять быт? Что делать с детьми? Как строить дома – коммуны? Тут тоже были перегибы, и правые и левые уклоны. Их история запечатлелась даже в архитектурных формах домов. Ты можешь встретить несколько типов жилых домов, от казарм и до домов типа меблированных комнат.

Недавно, в тихий весенний вечер, я беседовал на веранде дома – коммуны с одной пожилой колхозницей, Марьей. Она рассказывала мне историю своей борьбы с домом – коммуной.

– Сколько лет уж прошло, – говорила она своим украински – певучим голосом. – В первые годы трудновато жилось в колхозах. Хозяйство большое, хозяев много. Что голова, то ум. Каждый думал по – своему, как лучше общественные дела наладить. Свары, споры. Но все утряслось понемногу. Решили дом – коммуну строить. А я ни за что! И слушать не хотела. Привыкла к своей хате, как корова к хлеву. Хлев горит, корову выведут, а она вырвется да назад. Хоть в пламя, да в свой хлев! Так и я... А муж – то у меня был активист. За дом – коммуну первый агитатор. “Ну, – говорит, – оставайся в своей хате, а я один пойду жить в дом – коммуну”. Ушел муж, а за ним старший сынишка. Я с двумя малыши да со стариком в хате осталась. Уж и трудно было, а не сдавалась. Общественную работу кончишь, придешь домой – за стирку становись да за котел. Плюнула на свою хату. Теперь давно уж в коммуне живу.

Эпизод... Один из тысячи эпизодов. Одна буква из великой книги о строительстве нового быта...

Друг мой, Ленц! Не похожи ли мы с тобой на эту Марью? Ты знаешь, я не молод. И вот я, как Марья, жалею теперь только о том,

что годы напрасно потеряны для тебя и для меня.

Бросай все! Бросай свою швейцарскую сыроварню и приезжай скорее вместе с женою и детьми в советский колхоз варить советский колхозный сыр!

Твой Э”.

– Слышите, колокольчик звенит? Это Карась рыбу сзывает, кормить будет. Идем, посмотрим! – говорит руковод экскурсии, загорелый юноша. За ним тянутся экскурсанты – ученики заводской школы. Приехали посмотреть рыбный совхоз.

Реки, пруды, озера покрыли некогда безводную степь. Дома утопали в садах. Кругом тучные нивы, не знающие больше засух. На заливных лугах пасется племенная скот. Над прудами и речками склоняются тенистые ивы, – берегут воду от жгучих лучей солнца. Пустыня отброшена далеко за Урал – реку. Но и там ведется на нее наступление. Все дальше отступают пески на восток. Гаснет пожар земли...

– Карась у нас – за – амечательно башковитый старик. Рыб знает как свои пять пальцев и любит, словно детей родных, – говорит руководитель.

– Карась – это его фамилия?

– Прозвище. Прозвали мы его так – Карась. А фамилия его Барышников Иван Федорович. О рыбе может день и ночь толковать.

Да вот вы сами его послушайте.

Словно зеркало в зеленой раме, блестит широкий пруд, обросший по берегам ивами и тростниками. На небольшом деревянном подмосте сидит на корточках Иван Федорович Барышников, – он же Карась, – ученый рыбовод рыбного совхоза Карповки. На нем – широкополая соломенная шляпа – изделие школьной мастерской, длинная толстовка и белые брюки. На ногах – сандалии. Ему за пятьдесят. Длинные седые усы спускаются вниз, словно мартовские сосульки. На тупом носу – очки. Он низко наклонился к воде и кормит рыб, приплывших на его звонок целой стайкой.

– Карась карасей кормит, – улыбаясь, тихо говорит руковод и подходит к старику. – Рыбок кормите, Иван Федорович?

– А как же! Они у меня что цыплята. На зов идут и из рук корм берут. Здравствуйте, ребятки, – говорит он экскурсантам. – Приехали наших карпов посмотреть? Наш совхоз карпами славится. Это у нас первая статья.

– Не оттого ли и совхоз Карповкой называется?

– От того самого. Уж очень хороши у нас карпы, и много мы их добываем. Жаль, что железная дорога далековата. Говорят, ветку проводить будут. А пока мы больше районные совхозы снабжаем, коптим немного...

В эту минуту к пруду подъехал синий запыленный автомобиль. На подножке стоял председатель правления совхоза Садов. За рулем – молодой безусый шофер в кепи. Садов соскочил еще на ходу. Вслед за ним из автомобиля вышел шофер.

– Иван Федорович, – сказал Садов, – позвольте вам представить главного инспектора Волго – Каспийского рыбоводства товарища Бекирову! – и он указал на шофера.

Бекирова улыбнулась и протянула Карасю руку.

– Ну, показывайте ваше хозяйство! – сказала она низким грудным голосом.

– Принесите сеть! – командовала Бекирова через минуту.

Руковод, служащий совхоза, побежал за сетью, а Бекирова достала из машины чемодан, вынула оттуда резиновый комбинезон, натянула его поверх платья и в этом водолазном костюме, но с открытой головою, вошла в пруд и начала ходить по дну, ощупывая ногами почву.

– “Задев” много, – говорила она, передвигаясь с места на место. – Корчаги, кочки... Вы содержите дно в плохом состоянии...

Бекирова вышла из воды, сняла водолазный костюм, подхватила его одной рукой, в другую взяла чемодан и отправилась к автомобилю. Карась вдруг возненавидел ее жгучей ненавистью. А Бекирова продолжала пытаться его.

– Какая у вас система прудов?

– Ступенчатая и цепная! – ответил он свирепо.

– Самая невыгодная. Чтобы очистить один пруд, вам приходится спускать все разом.

Карась простонал. Разве он не знает всего этого?

– Идемте в контору! Вы мне покажете цифры улова.

В этот день Карась потерял все свое благодушие. Каждый вопрос Бекировой наносил удар его самолюбию и авторитету. Ему казалось, что все экскурсанты смеются над ним. Но Барышников еще не терял надежды дать ей генеральное сражение. Пусть не придирается к мелочам! Цифры улова – больше трехсот кило на гектар – сами за себя говорят! Он предвкушал, как обрушит на ее голову эти триста кило. Такого улова, наверно, у нее у самой нет!

Еще раз в этот злополучный день самолюбие Карася было уязвлено перед самым отъездом Бекировой. Она разговаривала с Садовым о совхозе. Карась случайно слышал этот разговор, сидя в своем малиннике.

– Я, быть может, несколько сурово вела себя в отношении товарища Барышникова, в особенности в конторе, – говорила Бекирова. – Но это необходимо, Барышников не плохой рыбовод, но он...

– Он очень любит свое дело, – вставил словечко Садов, желая поддержать Карася. – Барышников, можно сказать, романтик рыбоводства.

– А нам нужны техники и инженеры рыбоводства. То, что он делает, – кустарничество. Товарищу Барышникову надо приехать ко мне в совхоз Первомайский, поработать у нас и кое – чему поучиться. Сейчас отпущены большие средства на реорганизацию рыбного хозяйства. С осени мы приступили к работе.

Несколько дней Барышников выдерживал характер. Не выходил из дома. Сидел мрачный и даже не ел любимых карасей в сметане. Но в конце концов не выдержал. Проснулся однажды на заре, и вдруг ему жалко стало рыб.

– Сколько дней я не кормил их! Чем рыба-то виновата?

Карась тихо поднялся, чтобы не разбудить жену, взял корму и отправился к пруду.

Солнце еще не вставало, – ранний час, – его никто не увидит.

Барышников присел на помост. Звонить в колокольчик он не решался. Но рыба и без звонка заметила его знакомую фигуру и, голодная, начала сбегаться к плотнику.

Опять дни потекли обычным порядком, но Карась чувствовал, что это – только отсрочка.

И наконец настал день, когда в конторе была получена официальная бумага. Барышников приглашался в рыбный совхоз Первомайское для ознакомления с новыми методами ведения рыбного хозяйства.

Садов даже не ожидал, что Карась так легко согласится на поездку. Но у Карася были свои соображения. Он, обманывая самого себя, решил, что поедет только из любопытства, а главное – чтобы дать решительное сражение Бекировой. Он докажет, что знает не меньше ее! Там волей – неволей она должна будет выслушать его. “Ну что они там нового могут придумать? – думал он, собираясь в дорогу. – Рыба остается рыбой”. А ему ли не знать, чем “дышит” рыба? Он прожил с рыбой долгие годы. У него опыт. Он еще утрет нос молодым!

С такими воинственными мыслями отправился Карась к “щуке”.

Путь был не близкий. Пришлось пересечь почти весь орошенный Волгой район с северо-востока на юго – запад.

И на всем протяжении пути тянулись поля, луга, озера и реки. Новые водные, железнодорожные и шоссейные пути соединяли новые города и селения. Везде кипела работа. Здесь “делали хлеб с маслом”, как писал некогда Михеев.

Барышников больше всего интересовался рыбным хозяйством. Он присматривался к садкам, прудам и озерам.

“То же, что и у меня! – думал он. – Напрасно девчонка нападала на меня. Я не хуже других”. – Эта мысль успокоила его.

Вот и станция Первомайская. Барышников нашел присланный за ним автомобиль и покатил по хорошей шоссейной дороге. Он был на территории показательного рыбного совхоза и сразу почувствовал, что здесь многое не так, как у него.

Пруды – в идеальном порядке. Вдоль прудов – обводные каналы, соединенные с прудами таким образом, что каждый пруд можно спускать отдельно через особое приспособление. Возле прудов и каналов – шоссированные и бетонированные дороги, по которым хлопотливо снуют грузовики и авто. Через каналы и реки переброшены мосты. По ту сторону прудов – полотно железной

дороги. На железнодорожных путях – не виданные Карасем длинные, огромные вагоны. А дальше, за озером, виднеются фабрики, заводы, станции, большая электростанция, жилые корпуса... Целый город!

Автомобиль проехал мимо молодой каштановой рощи. Широкая аллея рощи упирается в огромное восьмиугольное здание со стеклянной крышей, сверкающей на солнце.

Неожиданно Барышников увидел у берега озера площадь с разбитыми на ней клумбами. Огромное четырехэтажное здание из стекла и бетона замыкает площадь полукругом. Шофер подъехал к подъезду и, дав гудок, остановил машину.

Из дверей вышел молодой человек и, спросив фамилию Барышникова, сказал:

– Второй этаж, комната семьдесят шесть!

Его ждали. Барышников захватил небольшой чемодан и прошел в отведенную ему комнату.

Светло – голубые стены, белая металлическая мебель. Окно во всю стену. На стене телефон, возле – план дома по этажам и телефонный указатель.

Карась вымылся в ванной комнате, переоделся, позавтракал в большой, светлой столовой и, вернувшись к себе, позвонил в бюро справок.

– Могу я видеть товарища Бекирову? – Он горел нетерпением сразиться с нею.

– Товарищ Бекирова на работе. К вам зайдет аспирантка Научно – исследовательского института рыбоводства товарищ Голубева, – отвечал женский голос.

“Да что у них тут, все бабы?” – с неудовольствием подумал Барышников.

Скоро в его комнату постучались. Вошла молодая девушка, краснощекая, улыбающаяся, в свободном коротком белом платье, стриженная “под мальчишку”.

– Здравствуйте, товарищ Барышников! – обратилась она к нему, как к старому знакомому. – Товарищ Бекирова на дальних прудах. Она и поручила мне ознакомить вас с совхозом. Если вы не устали с дороги, идемте. Начнем с наших научных лабораторий в этом доме.

И краснощекая девушка повела Барышникова по этажам и залам.

Уже при этом первом, поверхностном осмотре Карась был поражен.

Вот кабинет с надписью “Планктон”. Здесь изучают микроскопический мир прудов. Большие стеклянные кубы с разводками, микроскопы, сложные аппараты... В стеклянных кубах выводят, размножают, питают, изучают жизнь и борьбу за существование маленьких обитателей воды. Рядом – “Акклиматизационная”. Дальше – “Кабинет питания рыб”, напротив – “Искусственного оплодотворения”. Голубева объясняет:

– Мне приходилось слышать, что при устройстве каптажа Волги многие боялись за судьбу рыбы. Волгу замкнет плотина, и рыбе некуда будет идти метать икру. Рыба погибнет. Страхи эти оказались неосновательными. Рыбе теперь совсем не приходится искать мест нереста, так как оплодотворение производится искусственно. А вам, конечно, известно, что искусственное оплодотворение происходит более полно, чем естественным путем. Мы теперь экспортируем оплодотворенную икру на аэропланах за тысячи километров, и она доходит благополучно до места назначения.

Следующий кабинет – “Санатория”. Этого еще не хватало!

– Для служащих? – спросил Барышников.

– Нет, для рыб, – отвечает улыбаясь его краснощекая спутница. – Вы знаете, что рыбы также подвержены болезням. Многие рыбы страдают и умирают от паразитов. Некоторые передают этих паразитов людям.

– Щука передает солитера! – вставил Барышников.

– Иные рыбы гибнут от – недостатка кислорода или от неподходящей пищи. Мы изучаем причины болезней рыб, даже лечим их, но главное – вырабатываем профилактические меры. Вот в этом аквариуме – большие угри. В их брюшной полости находятся аскариды и филяриды. Мы уже на верном пути к тому, чтобы уничтожить этих паразитов. Интересен и следующий кабинет, где происходят опыты над скрещиванием.

Многое из того, что видел Барышников, было ему известно. Но какой размах, какая постановка дела!

Окончив осмотр дома, они вышли к прудам. Голубева показала Барышникову, как производится у них “облов”.

Вода из пруда постепенно уходила в канал. Рыба собиралась по сборным канавам, сделанным на дне, в обловную яму с сетчатым ящиком. Ящик поднимался краном, и все содержимое пруда сразу оказывалось на поверхности. Рыба попадала на транспортеры, проходила через сортировочные столы и передавалась транспортерами, еще трепещущая, на консервные заводы, в холодильники и в длинные вагоны для экспорта.

Если бы сюда заглянул Глеб Калганов, он ничего не понял бы в этом “производстве” с его подъемными механическими сетями, транспортерами, лабораториями, машинами... Но и Барышникову было чему удивляться.

Они перебрались на другую сторону озера, и Барышников заглянул в необычный вагон для перевозки рыбы.

Целый маленький завод на колесах – с компрессорами, нагнетающими сжатый воздух для освежения воды в аквариумах, насосами для накачки воды, холодильными установками, подъемными кранами, баками для рыб, помещениями для служащих, кладовыми и даже кухней – столовой.

– При помощи жидкого воздуха мы понижаем температуру наших прудов, чтобы дать студеною воду форели. У нас в каждом пруде – особая температура, регулируемая аппаратами, особый процент насыщенности воды кислородом, особый планктон. Для наблюдения за жизнью рыб на многих прудах имеются подводные камеры. Там вы еще успеете побывать.

Когда Барышников вышел на шоссе, у него голова кругом шла. Теперь он уже не хотел видеть Бекирову. Надо было раньше разобраться во впечатлениях и избрать новую тактику в обращении с нею. О генеральном сражении он уже не думал.

И надо же было случиться, что Бекирова обогнала их на своем длинном автомобиле, узнала Барышникова, задержала машину и предложила ему сесть с ней рядом у руля.

На этот раз она более дружелюбно встретилась с Карасем. Посмотрев на его растерянное лицо, она спросила:

– Ну, как вам понравилось?

– Признаюсь, я не ожидал... – ответил Карась, вздохнув.

– Разница между нашей системой и вашей заключается в том, – сказала она, – что вы ограничиваетесь подражанием “естественным” условиям. Вы только копируете природу, а мы идем дальше. Мы заставляем природу работать на нас, по нашим указаниям и согласно с нашими требованиями и целями.

...В тот же день вечером Барышников писал председателю совхоза:

“Товарищ Салов! Я был старый осел и шляпа. Я видел здесь такие чудеса, какие и не снились старым рыболовам и рыбоведам. Здесь рыбу не разводят, а буквально делают, как любой товар, по заказу потребителя, и все время улучшают “качество продукции”. Да, рыба перестала быть рыбой. Они тут черт знает что делают с ней. Изменяют строение, форму, выводят почти бескостных рыб, вообще...” Дальше шло длиннейшее описание совхоза.

Солнце. Синь неба. Зной.

В золотой пшенице перекликаются перепела, квохчут дрохвы, жужжат пчелы, стрекочут кузнечики.

Над полями летят люди. Учебный полет дирижабля “Коминтерн”. Ветер попутный. Моторы выключены. Тихо проплывает низко над землей воздушный кит. Из кабины хорошо видно, как колыхнутся широкими волнами колосья. Здесь когда – то бушевали волны Каспия. Теперь на осушенном дне морском растет пшеница.

Просторы золотых полей. Тишина. Проходят минуты. Летит дирижабль. Синяя тень дирижабля ложится на желто – золотистые поля.

Откуда – то издали послышался смутный шум, гул, уханье, лязг. Мотор? Поезд?..

На ровной поверхности янтарного моря показалась длинная полоса, словно кто прошел машинкой для стрижки волос по густой шевелюре. В конце полосы ворочается черное чудовище с поднятым хоботом, быстро ползет по ниве, оставляя за собой вихрь пыли и разметанной соломы. И где проползло – как машинкой выстригло.

Моторы на дирижабле заработали. Воздушный кит начал забирать высоту. Горизонт раздвинулся и как будто поднялся выше. Там и сям виднелись на полях тракторы и комбайны. Вдали показался ровный канал, по которому двигались пароходы и баржи.

Вот во что превратилась Волга ниже барража. С “печки” нового волжского уровня суда спускаются по шлюзам и идут по этому каналу в Каспийское море.

Какая суэта на полях! Можно подумать, что идет сражение. Две армии с “пушками и танками” движутся по обеим сторонам канала.

Да здесь и идет “бескровное” сражение: социалистическое соревнование двух совхозов.

Из брошюры В. Куликова «На дне Каспия»

“Два гигантские совхоза раскинулись на “бывшем” дне морском по обе стороны Волгоканала. На правом берегу – совхоз имени тов. Сатина, или Сатинка, и на левом – совхоз имени тов. Левшина, или Левшинка. Плодородный ил, нанесенный веками Волгой, не уступающий нильскому, дает неслыханные урожаи. Пласт ила так мощен, что миллиарды тонн его, без ущерба для совхозов, были сняты с поверхности и перевезены на скудные земли когда – то “потребляющей” полосы.

Площадь совхозов и техническое вооружение почти одинаковы. И с самого основания Сатинка и Левшинка находятся в бесконечной войне соцсоревнования.

Впрочем, история знает случаи, когда сатинцы и левшинцы заключали оборонительные союзы против общего врага. Так было, например, в первые годы их существования, когда южные, более низменные участки совхозов заливались морем: южный ветер гнал воду и затоплял нивы. Тогда сатинцы и левшинцы объединяла свои силы и бросались на водяного врага: возводили плотины. Но море давно укрощено. Вражеские волны разбиваются о бастионы плотин. Год за годом море уходит дальше. Плотины постоянно срываются, дно выравнивается. Тракторы и комбайны не любят неровностей почвы.

Сатинка и Левшинка бесспорно признаются лучшими совхозами в мире. Туда ежегодно приезжают тысячи иностранных товарищей, в особенности из аграрных стран, чтобы поучиться и использовать наш опыт для своих молодых совхозов”.

“Война” – в двадцать часов.

Не было человека, от старшего агронома до посудомойки, кто не принимал бы участия в обсуждении плана уборочной кампании.

Воля масс сосредоточилась теперь в “штабе совхоза”. Оттуда расходятся приказы “главкома” – старшего агронома.

“Обоз” выехал с вечера – ровно в двадцать часов. Грузовики с лагерными палатками, походные кухни, амбулатория, летучие отряды РОККа, ремонтно-тракторные бригады, автовагоны с электро – и радиостанциями, прожекторы, вагоны – цистерны с артезианской водой, переносные души, автоцистерны с горючим, кинопередвижки, грузовики с рабочими – иностранцами... Великое переселение народов...

Больше чем на километр растянулся поезд по хорошей шоссейной полевой дороге, называемой по – старому “американской”.

Шум моторов, лязг металлических частей, гудки, песни и смех потонули в сумерках среди бескрайних полей...

Ровно в четыре, на другое утро, с гулом, стуком, грохотом и лязгом выступила “тяжелая артиллерия” – огромные колесные и гусеничные тракторы с комбайнами. Серыми железными чудовищами управляют люди в синих комбинезонах и защитных очках.

Через час на дороге двигаются обратные грузовики, уже нагруженные зерном. “Сражение” началось.

ШТАБ ЛЕВШИНКИ. На стене большая карта «военных действий»: оба совхоза, разделенные каналом.

Карта разделена на квадраты, по десяти гектаров каждый. Радиотелефон и телеграф. Телефон агрогорода, теперь объявленного “на военном положении”. Главком, молодой агроном, отмечает на карте флажками донесения с театра “военных действий”.

Левшинка и Сатинка идут пока ровно.

За первый час семь левшинских гектаров уместились в зерновых баках первых двух комбайнов и по трубам – шнекам за сто секунд пробежали в кузов автогрузовика. “Агрегат” – трактор с двумя комбайнами. Действуют исправно. Общий часовой итог: сто агрегатов убрали 3500 га. Автогрузовики перевезли уже зерно в элеватор.

Самопишущие учетные аппараты Бруно, похожие на будильники, прикрепленные к каждому трактору, указывают безостановочную работу.

“Простоев нет, поломок нет. Настроение бодрое”.

Сатинка к концу часа убрала 3550 га. Но Левшинка еще обгонит. К ночи левшинцы вольют в армию десятки новых агрегатов, только что полученных совхозом. Сатинцы этого не знают.

Главком Левшинки спокойно отдает приказания.

НА ПОЛЯХ. Жара невыносима. Комбинезоны лоснятся от пота. Очкастые люди сидят у рулей тракторов или стоят, как на корабле, у штурвалов комбайнов и уверенно направляют рычащие чудовища на густые заросли высокой пшеницы.

Непривычный треск. Внезапная тишина. Машина стала. Поломка!

Словно на пожар мчится “скорая помощь” – ремонтная бригада. Каждая минута дорога. На ходу соскакивают с автомобиля монтеры, уже вооруженные инструментами.

Старший монтер отдает краткие, быстрые приказания...

– Пошел!

Машины не останавливаются ни на минуту.

– Что, сатинцы?

– Досадно! У нас еще поломка. Ну ничего. Догоним. У них тоже не без аварий. Два агрегата прогуляли сорок минут.

НОЧЬ. Сверху – яркая луна, а над полями лучи прожекторов горят еще ярче. Гул не умолкает.

К ночи сатинцы обогнали левшинцев на двести пятьдесят гектаров.

С полевой дороги слышался рев моторов, дреньканье железных частей комбайнов. Прибыли резервы – новые десять агрегатов.

– Теперь держитесь, сатинцы!

На скошенных полях – музыка. Радиопередача. Косцы лежат на соломе и слушают. Отдыхают. Неутомимая молодежь пляшет в сторонке.

В три часа разлетелась по полям левшинцев новая весть: сатинцы тоже подготовили резервы и бросили на поля двенадцать новых агрегатов.

Спорнее ночью идет работа: прохладно и светло, как днем.

ШТАБ ЛЕВШИНКИ. Квадраты на карте испещрены флажками. У левшинцев уже завоевано на сто пять гектаров больше. Можно и

отдохнуть... Стучит радиотелеграф, автоматически записывая на ленту. Главком берет ленту, хмурится. Помощник читает через плечо главкома точки и тире: «Са – ран – ча!..» Звонит телефон. Говорит главком Сатинки.

– Да, – отвечает, левшинский. – Мы уже имеем телеграмму. Наступает с северо – востока.

Нет, не крылатая. Личинки в последней стадии развития. Ползет со скоростью пятисот метров в час. Шесть аэропланов? Хорошо! Мы пошлем восемь. Да. Но у нас маловато мышьяковистокислого натра. Да, считая на один гектар до четырех килограммов... Идет!

Главком звонит в ангары, в базу Авиахима, летчикам. Тревога! Тревога!..

Необходимо бросить на войну с саранчой все тракторы и комбайны обоих совхозов,

В воздухе зарокотали моторы. Аэропланы, вооруженные опрыскивателями, летят на врага.

ШТАБ. Донесение: аэропланы начали опрыскивать поля. Миллионы саранчи гибнут, сотни миллионов продолжают ползти, съедая все на пути.

Саранча уже в пяти километрах от границы Левшинки. Через десять часов враг начнет пожирать поля. Успеют ли комбайны вовремя прийти на место?..

В ВОЗДУХЕ. Эскадрилья аэропланов низко летит над землей. За аэропланом тянутся хвосты распыленной жидкости и стелются по земле. Бескрылая саранча сплошным серым мохнатым ковром устилает землю. Там, где хвост водяной пыли разостлался по земле, пучится, шевелится серый ковер. Гибнет саранча, но несметные ее полчища продолжают ползти. За нею – ни былинки, ни соломинки, – все сожрала прожорливая стая!..

ШТАБ. Молодой авиахимовец главкому:

– Вот что я придумал, товарищ, как преградить путь саранче. Вырыть неглубокую канаву, – можно скоро, – налить нефтью и нефть зажечь.

– Средство не новое и не дешевое. Но действует. Идет! Организуй живо!

ПОЛЯ. Вечер. Солнце заходит. Горит нефть в канаве. Миллионы саранчовых личинок гибнут в огне, а новые полчища все лезут. Сгорают и лезут, лезут и сгорают.

В одном месте пламя погасло. Нефти ли не хватило, потушила ли саранча своими телами, – погасло пламя, прорвалась саранча – ползет.

– Нефти! Скорее нефти! Подливай! Еще! Школьники в резиновых перчатках и противогазовых масках бегают по полю с ящиками, разбрасывают отраву, иногда под ядовитым дождем, падающим с аэропланов. Саранча ест приманку и дохнет. Но саранчи больше, чем приманки.

ШТАБ. Донесение: саранча переступила границу совхоза. Идет по жнивью. Машины жнут пшеницу быстрее, чем движутся остатки полчищ саранчи.

– Все дело в темпах, – говорит с облегчением главком.

В комнату вбегает молодой биолог.

– Нашел! Открыл! Смерть саранче!

– В чем дело?

– Заражение саранчи особыми паразитами. Молниеносная смерть!

– На этот раз ты маленько опоздал. Урожай спасен, – говорит главком. – Но если твое средство...

– Радикальное!

– Посмотрим!

Анка Плетнева и Лев Палов – рабочие крекинг – завода. Сегодня у них выходной день, и они решили провести утро на море.

С моря открывался вид на город и промыслы.

На море у берега разбросаны странные металлические сооружения – кубы на плотках. У самого берега – кайма из полукруглых плотин. То, что недавно было берегом моря, возвышается теперь пологой горой, покрытой асфальтом. На асфальте железные шестигранники, – дома не дома, – с железными дверями, но без окон. словно несгораемые шкафы, сбежавшие сюда из душных контор. Между ними – цветники, сады, фонтаны. И всюду, как паутина, – электрические провода на эбонитовых столбах. Людей не видно.

Высоко на горе блестят стеклянными стенами жилые дома. Густая роща айлантов отделяет жилой город от нефтеперегонных заводов.

Есть еще на промыслах старики, которые помнят, что тут было, когда хозяйничали капиталисты. Они любили не нефть, а барыш. До остального им дела не было. Всюду воняло здесь нефтью. От нефтяных испарении даже небо здесь было тусклое, словно смазанное мазутом. Липкая грязь по колени. Драгоценная эмульсия бежала в беспризорные пруды, впитывалась в землю. Скважины бурились по несколько лет ударным бурением. А вы знаете, что это за работа? Нужда сгоняла, сюда бедняков – горцев. Униженно стаскивали они с бритых голов папахи и просили:

– Хлеба нет, барашка нет, руки есть. Дай работу!

И становился этот сын гор на каторжный труд. От зари до зари смотрит, как поднимается на два метра и вновь падает острый конец бурильной свечи. Или запрягут его в тартальщики. Вместо чистого горного воздуха – тяжелый запах нефти. Однообразный, убивающий труд... Человек изнашивается скорее, чем желовка, черпающая густую вонючую жижу.

А теперь посмотри на промыслы: ты и людей – то не увидишь. Все машины. И запаха нет, и самой нефти не увидишь, – разве в заводской лаборатории. Нефть теперь так и не видит солнечного света.

Разведка – вращательным бурением, откачка из скважины – глубокими насосами, пересылка – трубами нефтепроводов. Фонтаны одеты в непроницаемые будки, вот в эти, похожие на несгораемые шкафы.

Рядом контора – светлое одноэтажное здание. Тишина. Карты промыслов, разбитые на участки, и номера вышек. Аппараты сообщают, как идет работа на каждой вышке. Техник следит за аппаратами. Вот он отметил какую – то неправильность. Бросает коротко дежурному рабочему:

– 72 – 315.

Это значит: на семьдесят втором участке вышка номер триста пятнадцать.

Рабочий выходит, садится на мотоцикл и едет.

Тысячи гектаров драгоценнейшей нефтеносной земли скрывало море в своих недрах целые тысячелетия. Мы добрались до этих скры-

тых богатств. Сбросили крышку водяного сундука и извлекли оттуда наше жидкое золото. Мы в несколько десятков раз увеличили добычу, а нефти – еще неисчерпаемые запасы. Словно под дном Каспия залегло еще нефтяное море.

Группа рабочих, приехавших из – за границы, осматривала промыслы под руководством Ника Вагнера, уже давно поселившегося в Баку.

– Ведь это уже вода? Море? – спросил один из экскурсантов, указывая на карту.

– Да, это море. Еще не осушенное море.

– Почему же оно у берега также разбито на участки?

– Секрет, – улыбнулся Ник. – Но не для вас, товарищи. Я вам открою этот секрет, когда будем на берегу. Идем!

Гости заходят в эксплуатационную вышку.

И здесь ни души. Только мерно хлопает насос.

– У этого железного рабочего голова не закружится, – улыбаясь говорит Ник.

В бурильной – грохот. Стены дрожат легкой судорожной дрожью. На огромной глубине долото со “сталинитовым” наконечником дробит твердые породы, хранящие скрытые богатства.

– Во всем этом нет еще ничего нового, – скромно говорит Ник.

– Но размах, техника, организация! – восхищенно возражает румын Миронеску.

– Да, пожалуй, – соглашается Ник. – Но мы можем похвалиться и кое – чем новым. Идемте на берег моря. Каптаж Волги, – продолжал Ник, – освободил огромные донные пространства нефтеносных земель. Наши промыслы уже давно первые в мире по количеству добываемой нефти. Соединенным Штатам пришлось уступить нам первенство. “Роял датч шелл” давно погиб. Американский “Стандарт ойл” еще существует, но и его дни сочтены. У Штатов остались промыслы, лежащие на их территории: в Пенсильвании, Калифорнии, у Мексиканского залива, в Оклахоме и Техасе. Но все они уже сильно истощены. Венесуэла, Мексика, Колумбия, Аргентина перестали кормить своей нефтью английский и американский капитал.

Море не поспевает за нашими темпами. Усыхает слишком медленно. Правда, каждый год оно отдает нам все новые

нефтеносные площади. Но отдает, как скупец. Мы не можем ждать, и вот мы решили... Видите вы эти полукруглые плотины, "пришитые" к берегу? Мы строим их, откачиваем плавучие базы прямо на воде и на них ставим бурильные машины. Эти "гидроцефтяные установки" – техническая новость. Трубы машин проходят сквозь воду, и затем бурильные сверла врезаются в дно. По мере того как море усыхает, базы опускаются, трубы укорачиваются, пока наконец вся установка не оказывается на осушенном дне.

– Можно осмотреть? – спросил венгерец Бачани.

– Разумеется.

– Добрый день, – вдруг услышали они за собой голос. К ним подходил американец Эдвин Брусс во фланелевом белом костюме и панаме.

– Принесла нелегкая! – проворчал Ник.

– Здравствуйте, мистер Брусс! Хорошая сегодня погода! – обратился он к нему по – русски.

Брусс побарабанил пальцами по пуговице жилета, сказал еще несколько слов и отошел.

– Не нравится мне этот тип! – сказал Ник.

– А кто он?

– Представитель "Стандарт ойл". Приехал "искать путей для сближения". Он очень интересуется нашими водяными установками, но мы его туда не пускаем... А теперь, когда этот мистер удалился, сядем в лодку и осмотрим наши "гидропромыслы".

Анка шла по айлантовой роще, направляясь в радиотеатр.

Один старый рабочий рассказывал как – то Анке историю этой рощи.

Айлант – удивительное дерево. Оно как будто создано для того, чтобы расти вблизи фабрик, заводов, нефтяных промыслов. В копоти, дыме, газовых испарениях дерево чувствует себя прекрасно.

Великолепно сопротивляется ветру. И вот лет двадцать назад, когда "город ветров" Баку и другие нефтепромысловые города не были еще так забронированы асфальтом и благоухали нефтью, были вывезены из Китая айлантовые деревья. Они очищали воздух и прекрасно росли, словно питаясь копотью труб и жирными

испарениями нефтеносной земли. Теперь эта роща “китайского ясеня” сделалась любимым местом прогулок.

Анка подошла к радиотеатру. Это обширное здание в восточном стиле, с двумя высокими “минаретами”, между которыми протянута антенна.

Анка вошла в зрительный зал и уселась. Левки еще не было. Его место пустовало.

– Добрый вечер, Анка! – услышала девушка голос Ника. Он сидел позади нее со всей “интернациональной” компанией: немцем, румыном и венгерцем. Да и вся публика была интернациональная. Много европейских рабочих, китайцы, персы, индусы, афганцы, негры сидели с бакинскими рабочими и изъяснялись, забавно перемешивая свои и иностранные слова. Чаще всего слышался немецкий и русский язык.

Прежде чем большой белый экран ожил, раздались звуки увертюры. Лампы зала медленно погасли, и экран вдруг превратился, словно по ролю, в сцену берлинского оперного театра.

Рабочее предместье Берлина. Ночь. Фонарь. Глазастый автомобиль выехал из – за угла. Сирена угрожающе воеет. В автомобиле – шуцманы с собачьими мордами противогаров. Толпа рабочих преграждает путь автомобилю. Хор...

Шла опера молодого немецкого композитора “Наш Октябрь”. Иллюзия была полная. Зрители захвачены исполнением и оригинальной музыкой.

Вдруг зал всколыхнулся, словно электрический ток прошел по рядам. Удар грома, сопровождаемый протяжным гулом, потряс театр.

– Это уж слишком натурально, – сказал кто – то вполголоса.

Внезапно замолкли звуки, погас экран, вспыхнули будничные лампы. Чей – то голос сказал в наступившей тишине:

– Товарищи! Спектакль прекращается. На промыслах вспыхнул пожар!

Зрители спешно, но в полном порядке покинули зал.

Стволы айлантов четко, как нарисованные тушью, выделялись на ярком багровом фоне. Над вершинами деревьев виднелся пылающий небосклон. Даже здесь было слышно, как клокотала,

шипела, гудела огненная стихия. В воздухе сильно пахло горячей нефтью.

Над промыслами стоял огненный столб, поднимающийся к самым облакам, которые стали багровыми. А вокруг огненной вершины багровели густые громады дыма. Это было страшно, как извержение гигантского кратера. Море на огромном пространстве стало багрово – красным.

До огня далеко, но жар уже на этом расстоянии был почти невыносим. А каково – то пожарным! Правда, они работают под зонтиками – душами, непрерывно окачивающими их водой. Но жар так велик, что вода превращается в пар на их прогретых костюмах.

Пущены в ход все стационарные насосы, подающие в резервуары кислотные и щелочные растворы с примесью лакрицы. Пенной тушат!

Но невероятная температура и постоянные взрывы затрудняют работу.

С грохотом проезжают пожарные автомобили. На автомобилях пеногенераторные машины. Новоприбывшие быстро окружили огненный столб кольцом, и машины начали выбрасывать потоки пенной жидкости на высоту двадцати метров.

Огненный столб потускнел.

Новый страшный взрыв – и новое огненное дерево с гулом, ревом, свистом, шипеньем выросло над промыслами.

Анка едва устояла на ногах, когда горячий воздушный вал обрушился на нее. Толпа отхлынула.

И вдруг, заглушая рев пожара, загремел, как гром, человеческий голос. Заговорил гигантский громкоговоритель с трехтысячекратным усилением. Этот чудовищный голос был слышен больше чем за тридцать километров. Вблизи громкоговорителя нельзя было стоять, он буквально потрясал колебаниями воздух.

– Товарищи! – гремел сверхчеловеческий голос. – Немедленно отправляйтесь каждый на свои фабрики и заводы. Там получите боевые приказы. Пожар вышел из обычных границ. Пожарным нужна ваша помощь.

Два раза прозвучал этот приказ. Но этого можно было и не делать: рабочие начали тотчас расходиться.

Анка отправилась в завком крекинг – завода. Там она узнала, что все склады пенообразующего порошка исчерпаны. Шесть грузовиков с порошками, прибывшие из старого Баку, несколько поправили положение, но оно еще остается очень напряженным. На химическом заводе, в двадцати километрах от нового Баку, идет лихорадочная работа по изготовлению порошка. Но рабочие химического завода не справляются и просят помощи. Надо немедленно отправляться туда.

На заводе всю ночь шла лихорадочная работа. Каждый час приезжали порожние грузовики за порошком, и шоферы сообщали о пожаре. Был момент, когда угроза пожара повисла над всеми промыслами. Порошка не хватало. Но быстрая мобилизация рабочих спасла положение.

Последние известия на рассвете были утешительны: пожар утихал, хотя принес уже многомиллионные убытки и стоил нескольких человеческих жертв. Рабочие и пожарные победили огонь.

Рано утром, выходя из завода, Анка встретила с Ником.

– Моторная баржа взорвалась и сгорела, как предполагали, со всеми рабочими, находившимися на ней, – сказал он. – Но вот сейчас нашли моториста с баржи. Он порядочно обгорел, но остался в живых. Взрывом его сбросило в воду, и он еще имел силы доплыть до берега и лежал там без сознания до утра. Так вот. Теперь он пришел в себя и говорит, что пожар начался от огня в выхлопной трубе баржи. Вчера вечером, – продолжал Ник, – на баржу заходил этот мистер. Но он был на барже за час до пожара. Правда, странно, что вчера же вечером он улетел в Тегеран, Следствие все это выяснит.

Из путевого дневника Эдвина Брусса.

“Гостиница для туристов “Красная звезда”. Ну, разумеется, “красная”! Разве здесь могут обойтись без красного? Здесь все красное. “Красный пахарь”, “Красный печатник”, даже “Красный колос”.

Вверху, на плоской крыше гостиницы высоко укреплена огромная пятиконечная звезда, которая ночью горит ярким красным светом. Звезда служит маяком для аэропланов местного сообщения, садящихся прямо на крышу.

С озера довольно красивый вид. Как бы далеко ни отъехать на лодке, красная звезда маячит в небе и отражается в воде. Красный огненный след протягивается через все озеро до самой лодки.

Гостиница стоит на самом берегу большого озера – Жемчужного озера. Оно рождено каптажем в голой степи. Спокойное, огромное зеркало неба, окруженное тенистыми рощами и красивыми белыми курортными виллами.

Наконец – то я могу отдохнуть и разобраться во впечатл...

Вчера я недописал фразы. Мне сказали, что гидроплан отлетит в пять утра. Надо было собираться. И вот я продолжаю свой дневник уже в “городе нефти”, новом Баку – цели моего путешествия. Вернее – конечной цели. Конечная цель – нефть. Но хозяин поручил мне попутно ознакомиться с каптажем. Хорошо сказать “попутно”! Ознакомление с каптажем надо начинать с Москвы, так как каптаж оказался даже в Москве.

По милости каптажа Москва стала портом. Даже можно сказать – морским портом. Благодаря сложным гидротехническим сооружениям Москва оказалась соединенной через Москву – реку, Оку и Волгу с Азовским, Черным и Каспийским морями. Глубоко сидящие суда с углем, хлебом, нефтью подходят почти к самым стенам Кремля. А на улицах Москвы можно теперь видеть матросов почти всех стран.

Из Москвы я отправился на юг. Из Москвы!.. Но и до Москвы у меня было одно незабываемое впечатление. Я летел в Москву через Сибирь и решил сделать остановку в Магнитогорске. О, эта Магнитная гора! Мне казалось, что она тяжестью всей своей руды придавила меня.

Здесь я получил первый удар, от которого не могу оправиться до сих пор.

Я летел над голой, выжженной солнцем степью. Уныло, безлюдно, мертво... “Здесь все осталось таким, как было тысячи лет назад”, – думал я. “Тысячи лет. Тысячи лет застоя!” – смеялась душа моя.

Орел – стервятник погнался за аэропланом. Несколько минут я следил за птицей, а наша стальная птица продолжала лететь быстрее орла. Случайно я посмотрел вниз, и то, что увидел, поразило так, что я тотчас забыл об орле.

Я не узнавал местности. Словно кто подменил ее. Мертвой степи больше не было. Мы летели над сплошным заводом, которому, даже с высоты самолета, казалось, – нет конца.

Словно вся степь превратилась вдруг в сплошной гигантский завод. Семьдесят квадратных километров, как узнал я потом. Это – площадь одного завода.

Магнитная гора оказалась не одна. Она состоит из шести горных кряжей, опоясывающих Магнитогорск с востока до запада. Эти шесть кряжей: Дальний, Узянка, Ежовка, Атач, Ай – Дарлы и Сосновый – словно передовой отряд Уральского хребта. За Магнитной на севере виднеются пологие мертвые холмы. Далеко на горизонте синееет Уральский массив. Эти шесть кряжей – советские сундуки, наполненные великолепной рудой. Четыреста, может быть, пятьсот и больше миллионов тонн. Миллионы тонн еще не оформленных тракторов, машин, железнодорожных мостов. Прожорливые доменные печи, – я насчитал их восемь, – величайшие в мире, пожирают ежедневно по тысяче двести тонн руды. Эти великаны поглощают столько кислорода, что его хватило бы на дыхание миллиона человек. Почти семь миллионов тонн металла – такова продукция этих печей, этих восьми вавилонских башен. Шесть тысяч поездов в год едва успевают вывозить металл.

Семьдесят миллионов ведер воды выпивает один завод. В три с половиной раза больше Москвы. Железобетонная плотина на реке Урал – первая по длине в мире: целый километр – создана для того, чтобы направить речную воду в прожорливую пасть завода. Но ему того мало. Вторая плотина дает воды в пятнадцать раз больше, чем первая. И этого мало ненасытному Магнитогорску. Мало реки, – он выкачивает воду из озер, расположенных в двадцати – тридцати километрах. Плотины создают новые пруды и озера в десятки квадратных километров.

А город с его двухсоттысячным населением! Город, который, как Нью – Йорк, не знает ночи, потому что работа идет круглые сутки... Асфальт, электрическое освещение, трамваи, автомобили, автобусы, парки, цветники, скверы, огни клубов, общественных столовых и кафе, кинематографов и “универмагов”... Европа... Но на тротуарах здесь не увидишь разряженных дам и мужчин в котелках и

цилиндрах. Город рабочих... Одни из них, в рабочих костюмах, идут на работу, другие отдыхают в парках, садах культуры и отдыха, все в опрятных, простых костюмах.

Еще одно ошеломляющее дорожное впечатление...

Сталинградский тракторный завод. Собственно говоря, после Форда, сам завод не ошеломил бы так, если бы я не знал, чей это завод; кто создал его и в какой срок. Я стоял с часами в руках и наблюдал, как из ворот завода выезжали тракторы, чтобы взобраться на вагон – платформу и отправиться в путь на советские поля. Двадцать тракторов в час прошли мимо меня. Сто сорок тракторов в день. Пятьдесят тысяч в год. Это значит полтора миллиона лошадиных сил... А ведь Сталинградский – не единственный тракторный завод в СССР.

От Сталинграда идет новый канал прямо на юг, пересекает по пути канал Волго – Донской, соединяется с Тереком... Теперь можно проехать прямым водным путем из Москвы в Сталинград, Тифлис и дальше по Куре на юго-восток и по каналу, проведенному на осушенном дне морском, до Баку и в Каспийское море.

От Дона тоже проведены каналы по осушенному дну моря к восточной его оконечности. Из Астрахани – тоже канал, опять – таки через осушенную территорию, к морю. Вообще все осушенное дно пересечено большими и малыми каналами.

Попутно я осматривал большую гидростанцию у села Сестренки на острове Шишки. Надо признаться: грандиозное сооружение, которым впору было бы хвалиться и нам.

Высота падения – тридцать семь метров. Три тысячи кубических метров воды в секунду. Энергии – больше трех миллионов лошадиных сил, то есть в десять раз больше Днепровской.

Два мира! Здесь я почувствовал это особенно остро. Не только словом, но и показом дела они каждую минуту словно хотели вбить мне в голову острый гвоздь мысли: их мир – будущего, мой – прошлого, обреченного на слом...

Осмотрев электростанцию, я осмотрел совхоз имени товарища Михеева, названный так, если не ошибаюсь, в честь первого строителя каптажа.

До каптажа здесь атмосферных осадков было совсем мало, каких –нибудь двести пятьдесят миллиметров. А теперь на гектар приходится семьдесят тысяч ведер воды в год, что равняется как бы тысяче двумстам миллиметров атмосферных осадков. Отбросьте на сток и все – таки получите не менее девятисот. Это вместо двухсот пятидесяти – то! Да и настоящих небесных атмосферных осадков у нас стало выпадать куда больше с тех пор, как насадили здесь леса. Леса – то ведь задерживают облака!

Часть своих атмосферных осадков они даже “одалживают” в Средней Азии. Там большая сеть электростанций искусственного дождевания.

Я летел на гидроплане из Шаумянска в Новый Баку.

Под самолетом проходила флотилия огромных судов. Можно было подумать, что флот великой морской державы выходит на маневры. Но это были лишь рыболовные суда, сделанные по последнему слову новейшей рыболовной техники.

Ровная линия судов медленно загибалась в полукруг. Да, с таким флотом и с такими мощными орудиями лова можно “вычерпать море”.

В Новом Баку меня более всего интересовали новые гидронефтяные установки. Но мне не удалось осмотреть их, вернее – меня не допустили, это очевидно... Со мной предпочитали говорить о погоде, пока я не принужден был уйти. А между тем трое иностранных “товарищей” – я сам видел – после моего ухода отправились туда в сопровождении бакинца.

И причиной всему – каптаж. Я не видел всего СССР. Видел только один каптаж с его производными. И вот я стал одним из этих производных. Каптаж раздавил меня морально и идейно. Но я сделаю то, что мне поручил хозяин. Их нефть нам мешает. Ее нужно уничтожить...

ПРИПИСКА ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ. Не удалось. Миллионы строителей непобедимы”.

notes

Примечания

1

Потоп.

2

Разлив.